

Александр СЕВАСТЬЯНОВ

КОНСТИТУЦИЯ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА:

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

День Конституции — праздник большой!
Надо поднять нам стаканы с тобой,
Выпьем раз мы, выпьем два,
За все с тобой наши права!

«Поздравка» из Интернета к 12 декабря

Почему русским нужна другая Конституция

Когда рухнул СССР и режим партократии, в постсоветской нашей отчизне лоб в лоб столкнулись две взаимоисключающие концепции будущего страны. За ними стоят две общественные силы, между которыми нет и быть не может примирения и компромисса, поскольку речь идет о жизни и смерти.

«Россия – государство русского народа», – провозгласил Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский от лица одной из этих сил, русской и державнической.

«Россия как государство русских в XXI веке не имеет смысла», – ответил ему премьер-министр Егор Гайдар от лица другой силы, инородческой и либеральной.

Митрополит Иоанн не имел в руках иной власти, кроме духовной. Однако даже та была настолько велика и опасна для нового режима, что необъяснимо внезапная кончина первосвященника при странных обстоятельствах была предрешена. Она произошла в рамках общего всеохватного поражения той силы, которую олицетворял этот духовный вождь, была, таким образом, высоко символична. Соответственно, о торжестве выраженной им идеи в те годы не могло быть и речи.

Вся власть тогда была в руках «коллективного Гайдара». Соответственно, воплотился в жизнь именно его концепт, отразившийся как в Конституции 1993 года, так и – в максимальной степени – в политической практике, существующей с тех пор и по наше время. Россия сегодня – не только не государство русских, но даже не государство для русских, хотя существует, как всегда, за русский счет.

Между тем, Россия, при всей своей полиэтничности, – мононациональная страна русского народа. Это положение соответствует всей истории создания страны. Но оно соответствует также и современному фактическому положению вещей. Прошлое и настоящее, таким образом, сходятся в этом пункте. Казалось бы, остается лишь придать этому факту юридическое значение и дать, наконец, русским – равноправие, суверенитет и государственность. Увы, действующая Конституция Российской Федерации не только не выражает интересов русского народа, но и грубо попирает его естественные права. Это вполне очевидно.

Анализировать в данной работе политическую практику неуместно. Поэтому сосредоточусь на несоответствии действующей Конституции правам и интересам русского народа. Если не погружаться в экономические мотивы (что требует отдельного разговора), таких несоответствий можно насчитать восемь:

Во-первых. Распад Советского Союза превратил Россию в новое, принципиально иное государство. Имеющее куда больше сходства с допетровской Московской Русью, чем с имперской Россией, в т.ч. в облики СССР. Отличие состоит прежде всего в том, что современная Россия – более не многонациональное государство, каким была империя вплоть до 1991 года. Она превратилась в мононациональную державу,

свыше 80% населения которой составляют этнические русские (даже больше, чем евреи в таком этнократическом государстве как Израиль).

Соответственно, русские – никто иной и никто более – являются единственным государствообразующим народом России. То есть – ее единственной нацией. Как по истории, так и по факту.

Однако действующая Конституция Российской Федерации (далее: ДК) никак не отражает данный основополагающий факт. Русский народ, создавший Россию, ее единственная скрепа, лишён своей государственности и суверенности, лишён права на самоопределение. Первая же фраза преамбулы ДК – «Мы, многонациональный народ России...» – утверждает именно и только это: Россия не есть страна русского народа.

Нельзя не признать: действительно, Россия – не страна русских и даже не страна для русских.

Вопиющий разрыв между статусом русских де-факто и де-юре бьет в глаза и заставляет ответственных политиков реагировать. Так, в ходе избирательной кампании 2011 года три парламентских партии из четырех (ЛДПР, КПРФ, СР) включили в свои предвыборные программы требование о придании русскому народу официального статуса государствообразующего, путем включения соответствующей статьи в Конституцию. Однако правящий режим (устами тогдашнего президента Медведева предупредивший о недопустимости разыгрывания национальной карты на выборах) отказался прислушаться к мнению парламентского большинства. Данный важнейший пункт до сих пор не включен в политическую повестку дня.

Во-вторых, в ДК, наряду с этим вопиющим умолчанием о роли, месте и статусе русских в России, присутствует, однако, утверждение суверенитета двадцати одного народа, имеющего, в рамках нашей страны, свою квази-государственность (якуты, буряты, чеченцы, ингуши, татары, башкиры и т.д.).

Таким образом, русский народ демонстративно и даже конституционно (!) поставлен в юридически совершенно неравноправное положение по сравнению с двумя десятками российских народов, несопоставимых с ним по общегосударственному значению, но при этом наделённых своей государственностью и суверенитетом.

Мало того, что такое положение несообразно со здравым смыслом и разрушительно для государства, оно еще и нарушает саму же Конституцию, статья 19 которой провозглашает равенство всех независимо от национальности.

В-третьих, в отличие от малых, коренных, репрессированных и т.п. народов, русский народ вообще ни разу даже не упоминается в ДК, то есть не является её субъектом.

В-четвёртых, русские люди не равноправны в целом ряде субъектов Российской Федерации. Права «титовых» народов в этих субъектах ущемляют общегражданские права русских в своей стране России, в частности, право быть избранным в органы власти (примеры чему мы видели в Калмыкии, Марий-Эл, Чувашии и проч.). В последние годы положение отчасти выровнено, однако проблема национально-пропорционального представительства русских в национальных республиках РФ открыто заботит уже даже Академию госслужбы при президенте РФ и Комитет по национальностям ГД РФ, вынужденных провести по ней круглый стол в 2003 г.

В-пятых, ДК вообще никак не учитывает русских людей, оказавшихся за пределами нынешних границ России, не констатирует факт разделённого положения русской нации, а значит не ставит и задачи её воссоединения.

В-шестых, провозгласив в преамбуле абсурдную и антинаучную формулу «многонациональный народ России», ДК ставит на одну доску государствообразующую нацию – говоря строго научно, единственно заслуживающую названия «нации» – и сотню этносов, малых народов и национальных меньшинств, сподобившихся этого названия по явному недоразумению.

В-седьмых, ДК не выражает интересов никаких коренных народов России вообще и русских в частности, поскольку не даёт им никаких преимуществ перед народами, имеющими свою государственность вне России и оказавшимися у нас в силу разных обстоятельств (как вьетнамцы, курды, афганцы, таджики и мн. др.).

В-восьмых, ДК дискриминирует русских в органах высшей власти, в частности, в Совете Федерации, где русские – 82% населения – представлены непропорционально малым количеством “сенаторов”.

Таковы основные, хотя и не исчерпывающие, соображения, по которым, с точки зрения русского человека, Конституцию следует менять.

Такая потребность созрела давно, и, как сможет убедиться читатель, не раз за последние двадцать лет вызывала к жизни различные проекты основного закона для России и русских. Однако фронтальный отход от принципов ельцинской внешней и внутренней политики, сопровождаемый массивной сменой политического истеблишмента, хотя не во всех сферах, наметился лишь в последние год-два. Это оставляет место для надежд на более масштабные перемены российского строя и режима.

Конституция есть основа всего государственного здания. От ее изменений зависит очень многое. Будет ли современная Российская Федерация постепенно преобразована мирным, конституционным путем в Русское национальное государство? Или все останется как есть, со всеми внутренними противоречиями, в ожидании того момента, когда эти противоречия взорвут мнимое спокойствие, как это произошло с СССР? Тогда ведь тоже никто не ждал наступивших последствий, не понимал, что они назревали десятилетиями...

Долгое время изменения нашей Конституции казались всем невозможными. Даже самым высшим лицам в государстве. Вот что они говорили, к примеру:

Владимир Путин, премьер-министр, президент РФ 2000-2008 гг.: «Мозги им надо поменять, а не Конституцию нашу» (2007 г.);

Сергей Миронов, председатель Совета Федерации, председатель партии «Справедливая Россия»: «Конституцию менять не надо, мало ли кому этого хочется» (2005 г.);

Владимир Плигин, председатель Комитета Государственной Думы по госстроительству и конституционному законодательству «Любое изменение Конституции может привести к драматическим последствиям» (2005 г.).

Однако перемены произошли – и ничего страшного не случилось. С 1996 г. внесено четыре поправки в статью 65 Конституции в связи с изменением наименования республики (Калмыкия, Чувашия, Осетия и др.) Пять поправок с 2004 г. были внесены также в статью 65 Конституции в связи с образованием в составе России нового субъекта или изменением конституционно-правового статуса субъекта (4 автономных округа прекратили свое существование). Подобные поправки вносятся в Конституция почти автоматически.

Но у нас имеется уже и прецедент сущностного изменения Конституции. Ибо в 2008 г. были внесены важные поправки: 1) увеличение сроков деятельности президента и Госдумы, 2) отчетность правительства перед Госдумой. Парламенты всех 83 регионов страны одобрили эти поправки, и они вступили в силу с момента официального опубликования 31 декабря 2008 года.

Так надо ли останавливаться на достигнутом? И не пора ли подумать о назревших переменах, пока они не перезрели со всеми вытекающими обстоятельствами? Не пора ли начать обсуждать возможность принципиального изменения Конституции?

Конституции России: краткий экскурс

Прежде, чем обсуждать новые варианты основного закона нашей страны, бросим взгляд на эволюцию этого института.

В царской России, в Империи, никакой конституции не было. Хотя попытка ее внедрения готовилась еще в 1860-е годы и не состоялась лишь из-за убийства Александра Второго. Позднее, в 1905 году, Николаем Вторым был издан квазиконституционного характера «Манифест об усовершенствовании государственного порядка», отчасти ограничивающий самодержавие и провозглашающий гражданские свободы. Он не удовлетворил и не умиротворил общество. Поэт Александр Блок недаром вскоре написал хлесткие строки: «Ты будешь доволен собой и женой,/ Своей конституцией куцей,/ А вот у поэта всемирный запой,/ И мало ему конституций» (1908). Содержание

манифеста никак не соотносилось с этническим составом Империи и не отражало ни роль русского народа, ни его национальные интересы.

Тем не менее, фактически Россия была унитарным государством – преемником и носителем традиций русской государственности. В нем государствообразующая роль русского народа признавалась по умолчанию, что выражалось, в частности, в существовании целого раздела российского права, посвященного положению так называемых «иногородцев» – нерусских жителей России, выделяемых, таким образом, в особую категорию, противопоставляемую основному (не по количеству, а по значению!) – русскому – населению.

Самосознанием русских Россия однозначно воспринималась как своя страна – страна русского народа. Чем и объясняются единодушные подъемы русского патриотизма при возникновении внешней угрозы, будь то Крымская, Японская или Германская война. Или даже в случае русской военной экспансии (Кавказ, Балканы, Средняя Азия). Разумеется, наличие классовых противоречий, нерешенность рабочего и крестьянского вопроса, разрушали национальную солидарность и государственническую лояльность русских. Но до 1917 года правительство успешно справлялось со стихией русского народного бунта, после чего русский путь благополучно продолжался в рамках своего государства.

Особо следует отметить, что в Российской империи русские были наиболее активно и быстро размножающимся народом (в этом смысле они стояли на первом месте в Европе и на втором в мире). Это самым ярким и однозначным образом свидетельствует о конечном соответствии Государства Российского – русским народным интересам.

Октябрьская революция покончила с таким положением вещей и в перспективе способствовала значительному отчуждению русского народа от своего государства. Это отчуждение проявилось вполне в ходе ликвидации СССР.

При советской власти сменилось четыре конституции. Все они по умолчанию декларировали нерусский характер вновь созданного государства, хотя русские преобладали в нем этническим большинством. Демократический декор как бы соблюдался, но на деле основной советский закон лишь так или иначе утверждал всевластие большевиков, осуществивших Октябрьскую революцию.

Первая Конституция Российской советской федеративной социалистической республики (РСФСР) была принята 10 июля 1918 года, вскоре после большевистского переворота, покончившего с соправителями – эсерами. Конституция установила, что верховным органом власти в стране является Всероссийский съезд Советов, а в период между съездами – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК). ВЦИК имел право отменять или приостанавливать постановления и решения Совета Народных Комиссаров (СНК). В дальнейшем такой же функцией был наделен Президиум ВЦИК.

Но главная суть дела не в этом. Преобразование унитарной Российской Империи в советскую федеративную Российскую республику (да еще в кургуzych, обрезанных немецким штыком по Брестскому мирному договору, да и самими большевиками, границах) нанесло сокрушительный удар по правам и интересам русского народа, от которого он не оправился до сих пор. Этим была сломана сама идея России как русского в своей основе государства, был грубо прерван и предельно извращен исторический путь русского народа, путь создания нашей страны. Известно высказывание Зинаиды Гиппиус о том, что большевики вывернули Россию наизнанку, как перчатку, до своей полной противоположности во всем. Известен также тезис Николая Бердяева об убийстве большевиками исторической России. В наибольшей степени эти мысли, быть может, соотносятся именно с указанной переменной в статусе русского народа и в характере российской государственности¹.

¹ Со многими выразительными подробностями насильственного изменения судьбы русского народа в ходе большевистских преобразований можно ознакомиться по книге: Вдовин А.И. Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа. – М.: Вече, 2013.

Эти перемены были закреплены в ходе создания СССР. Наша вторая Конституция была принята сессией ЦИК СССР 6 июля 1923 года и в окончательной редакции II съездом Советов СССР 31 января 1924 года. Верховным органом государственной власти стал Съезд Советов СССР, в период между съездами – Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК) СССР, а в период между сессиями ЦИК СССР – Президиум ЦИК СССР. Несмотря на то, что ЦИК СССР имел право отменять и приостанавливать акты любых органов власти на территории СССР, в т.ч. постановления ЦИК и СНК союзных республик и даже акты съездов Советов союзных республик, однако на практике он, как правило, не отменял акты, признанные неконституционными, а лишь предлагал привести их в соответствие с законодательством. Таким образом, нациям, временно сложившим свои суверенитеты в общую советскую «копилку», была предоставлена значительная самостоятельность. Но только не русским.

Советский строй вообще проигнорировал русский национальный суверенитет. У русских, в отличие от четырнадцати других народов, так и не появилась своя республика, а решениями правящей коммунистической партии, начиная с X Съезда ВКП(б), русский народ оказался превращен в бесправного донора для всех остальных народов СССР, ставших в той или иной мере паразитами на его теле. Но что хуже всего – именно русская биосоциальная элита, тысячу лет рожденная всем народом, была истреблена, изгнана и поражена в правах так основательно, как ни одна другая национальная элита страны. До сих пор мы, русские, – всадник без головы.

Антирусский характер Октябрьской революции и последующего образования Советского Союза вполне просматривается как из Конституции 1918 г., так и, в еще большей мере, из Конституции 1923-1924 гг.

Конституция СССР 1936 года («сталинская», утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 года) покончила с национально-республиканской вольницей и утвердила приоритет союзного законодательства над республиканским. Она уже не предусматривала право республиканских органов приостанавливать или опротестовывать акты союзных органов. Эта Конституция покончила с поражением в правах целых категорий населения, относящихся к бывшей имперской элите. Что позволило, хотя и поздно, недобитым остаткам отборного русского генофонда интегрироваться в общенародную массу, спастись хотя бы отчасти. Но ни формального равенства, ни суверенитета, ни освобождения от роли всесоюзного донора русский народ так и не получил. Кроме того, к моменту принятия этой Конституции, вся реальная власть уже была сосредоточена не в советских, а в партийных органах, опиравшихся, в первую очередь на репрессивный аппарат и полностью подчинивших себе всю систему управления страной.

Такой порядок вещей был, понятное дело, неконституционным. Новая Конституция СССР («брежневская», принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 года) исправила это положение, закрепив, в соответствии со ст. 6, полномочие КПСС в основном законе страны. Управляемость страны от этого, несомненно, только выиграла. Но ни статус, ни судьба русского народа не изменились к лучшему. Очевидные преимущества партократии не могли быть реализованы в полной мере из-за отсутствия четкой национальной русской ориентации КПСС. Идеи коммунистического интернационала по-прежнему доминировали над русскими национальными правами и интересами. Самое печальное, что в Союзе советских социалистических республик по-другому и быть не могло, роковой дефект оказался встроенным в сам государственный механизм.

Последующие процессы реформирования Конституции 1978 г., начавшиеся в 1989 г., были ознаменованы принятием Закона РСФСР «Об изменениях и дополнениях Конституции РСФСР» и «О выборах народных депутатов РСФСР». Но эти яркие заплатки на ветхом рубище ничего не изменили в принципе.

Ельцинская конституция как зеркало войны и революции

Перед лицом фактического распада СССР, Россия, как и другие союзные республики, провозгласила свою независимость, приняв «Декларацию о государственном

суверенитете РСФСР» от 12 июня 1990 года. В этой Декларации было закреплено новое название старого устройства – Российская Федерация и заявлено о необходимости принятия новой Конституции России. Но ни возврата к русскому унитарному государству, ни восстановления естественных границ русской России не произошло (признанием границ, произвольно установленных при большевиках, Ельцин выкупил признание зарубежными коллегами своего «воцарения»). Новое государство унаследовало все пороки старого, советского, а то еще и усугубило.

После распада СССР своими конституциями срочно стали обзаводиться как вновь образовавшиеся государства, так и национальные образования внутри самой России. Многие парламенты при этом искали образцы в странах западной демократии. А, скажем, Конституция Узбекистана даже прошла особую экспертизу специалистов Организации Объединенных Наций, Совета по безопасности и сотрудничеству в Европе, ученых, юристов США, Великобритании, Франции и многих других стран. Узбекская власть посчитала нужным получить эту высшую санкцию, дабы обезопасить себя на будущее от всех возможных претензий Запада насчет нарушения норм демократии.

Наши «отцы-основатели» демократической России напрямую в Совет по безопасности и сотрудничеству в Европе не бегали и в ООН за образцами для разработки новой Конституции не обращались. В 1993 году, расстреляв из танков российский парламент, президент Ельцин форсировал Конституционное совещание. В его работе приняли участие представители политических партий и движений, ученые, представители субъектов РФ, народные депутаты России и др. Но основными разработчиками были трое: А.А. Собчак, С.М. Шахрай и С.С. Алексеев.

Референдум по принятию новой Конституции был проведен 12 декабря 1993 года одновременно с выборами законодательного органа России – Федерального Собрания. Парализованная страхом и недобрыми предчувствиями страна, как официально считается, приняла «ельцинскую конституцию». Законность этого мероприятия неоднократно оспаривалась специалистами.

Во-первых, инициатором всенародного голосования был Президент России, что прямо противоречило ст. 9 Закона РСФСР от 16 октября 1990 года «О референдуме РСФСР», в котором говорилось, что право принятия решения о проведении всероссийского референдума принадлежит лишь Съезду народных депутатов РСФСР, а в периоды между съездами – Верховному Совету России (как раз только что расстрелянному). Решение о проведении референдума могло быть принято также по требованию: либо не менее чем одного миллиона граждан РСФСР, имеющих право на участие в референдуме; либо не менее одной трети от общего числа народных депутатов РСФСР (ст. 10).

Как видим, эти требования закона соблюдены не были.

Пикантная подробность: на тот момент Ельцин был законным образом отрешен от власти решением Верховного совета, и никакие его указы не имели законной силы.

Во-вторых, ст. 35 закона «О референдуме РСФСР» гласила:

«При проведении референдума по вопросам принятия, изменения и дополнения Конституции РСФСР решения считаются принятыми, если за них проголосовало более половины граждан РСФСР, внесенных в списки для участия в референдуме».

Данный закон был отменён лишь в октябре 1995 года, а в 1993 году он действовал в полную силу. Точнее, должен был бы действовать, но...

Между тем, в референдуме участвовало 54,8 % зарегистрированных избирателей (58.187.775 человек), из которых за принятие новой Конституции проголосовали 58,43 %, что в итоге существенно меньше половины всех избирателей (всего примерно 32 %). Впрочем, а был ли мальчик-то? Вопрос о масштабных фальсификациях данных референдума возник сразу после его окончания. Через полгода, в мае 1994 года были опубликованы выводы экспертной группы А.А. Собянина при администрации президента. Согласно этим выводам, в референдуме принимало участие вовсе не 54,8, а лишь не более 46 % от списочного состава избирателей

После этой публикации президентская администрация не снизила до опровержений и оправданий, а просто прекратила сотрудничество с группой Собянина. Как

говорят в таких случаях, «замнем для ясности». Вскоре вся документация, связанная с итогами референдума была официально уничтожена (сожжена). Концы в воду или в огонь – какая разница?

Что принесла России Конституция 1993 года? Зачем она понадобилась продавившему ее с нарушением всех норм Кремлю?

Как отмечает председатель Конституционного суда Валерий Зорькин: «У нас в новой России за основу была взята так называемая австрийская модель, которая в настоящее время действует в большинстве государств Европы (Австрия, Германия, Испания, Италия, Польша, Португалия, Бельгия, Венгрия, Хорватия, Румыния) и в странах СНГ (кроме Туркмении)».

Новизна действующей Конституции, по сравнению с последним основным законом Советского Союза, в следующем:

- а) отказ от характеристики государства как социалистического и советского;
- б) определение его как по-прежнему федеративного, но суверенного;
- в) устранение из Конституции положений о коммунистической партии как ядре политической системы;
- г) признание приоритета прав человека и гражданина;
- д) отказ от признания государственной собственности в качестве основной и признание частной собственности, защищаемой государством наряду с другими формами собственности;
- е) переход на парламентскую систему; признание принципа разделения властей; введение института Президента; установление местного самоуправления.

Таким образом, сохранив главный порок РСФСР и СССР – федеративное устройство вместо унитарного (базовый конструктивный недостаток, послуживший основой распада СССР и угрожающий сегодня распадом РФ), законодатели ввели в основной закон обновленной федерации еще ряд не менее разрушительных конструктивных недостатков. А именно: 1) отказ от принципа партократии; 2) приоритет прав индивида, а не народа, общества или государства; 3) отказ от государственной собственности как основы экономики. Эти новые черты отразили основные политические итоги 1991-1993 гг. (поражение России в холодной войне и буржуазно-демократическую революцию) и во многом предопределили нашу сегодняшнюю нескладную жизнь.

Но главную суть новой Конституции предопределил лично и непосредственно сам узурпатор власти Борис Ельцин, собственной рукой внесший в текст поправки, обеспечившие суперпрезидентский характер российской республики.

Эта основная особенность основного закона нашей страны, ради которой он во многом и принимался, впоследствии была усугублена другими законами, установившими, фактически, вертикаль безответственности – сверху донизу российской власти. Результат: перманентный кризис управляемости страной. Президент никого не может заставить отвечать за свои дела, потому что он и сам ни за что ни перед кем не отвечает. Ведь в России создано уникальное законодательство, провозгласившее, что никакой президент не может отвечать по суду за всё, что бы он ни натворил за время президентства.

Безответственность президента... Можно ли было выдумать концепцию, более опасную для общества?

Кстати, голосуя за того или иного президента, граждане Европы и Америки голосуют не только за личность, но, прежде всего, за платформу, за политическую программу его партии, которая не может быть изменена по прихоти одиночки. Эта программа публична, она принята как руководство к действию всех её членов вплоть до президента, она масштабна, долгосрочна и касается, как минимум, всей страны. За выполнение этой программы президент отвечает перед выдвинувшей его партией и перед всей страной. А партия – многомиллионная рука и разум – его контролирует. И избиратель это знает.

За что голосует гражданин России, избирая президента? За красивые глаза? Или за красивые слова? Нет, российский гражданин голосует лишь за свои смутные, ничем не обеспеченные надежды, забывая поговорку о том, что надежда есть отло-

женное разочарование. Зато дальнейший ход событий ему об этом неизбежно напоминает.

Президент России – принципиально невменяем. Не в психологическом, конечно, а в политическом и юридическом смысле.

Выборы беспартийного президента в такой стране, как Россия, есть политический нонсенс и проявление позорного неуважения к самим себе. Они должны быть запрещены законом! Мы не Монако и не Лихтенштейн.

Однако о несовершенстве «ельцинской» (действующей) Конституции сказано достаточно. Вернемся к альтернативным проектам.

Какая конституция нам нужна?

Настоящая статья началась перечнем причин, по которым действующая Конституция (ДК) не может устраивать русский народ, конкретно и специально. Следует полагать, что в не слишком отдаленном будущем на повестку дня встанет вопрос о ее замене. Тому порукой медленный, но верный дрейф России в сторону Русского национального государства, который отмечают все наиболее дальнзоркие аналитики. А наипаче – из либерального лагеря, имеющие все основания опасаться такого развития событий, а потому проявляющие завидное чутье.

Что должна собой представлять конституция национального государства? Попробуем взглянуть на несколько примеров, чтобы попытаться понять это.

Израиль. Начнем с такого признанного эталона национального государства, как Израиль. Употребив слово «признанный», следует иметь в виду не только совершенство Израиля именно как национального государства, но и факт его признания мировым сообществом в качестве вполне демократической страны, иметь с которой дело не считает для себя зазорным большинство других демократических стран.

Между тем, Израиль вполне открыто и без комплексов декларирует свой национальный характер. Например, недавно израильский кнессет (парламент) принял новую формулу присяги на верность, объектом которой является именно еврейское национальное, а не какое-нибудь там «Израильское государство». Стоит напомнить, что евреев в Израиле меньше, чем русских в России, но никто притом не упрекает Израиль в нарушении прав человека. Применительно к нашей стране это означает, что мы должны бы утвердить присягу на верность не Российской Федерации («Российскому государству»), а именно Русскому национальному государству, и это никого не может шокировать.

Однако, ставя Израиль в пример России, мы с удивлением обнаруживаем, что в этом государстве Конституция, которую, согласно Декларации независимости, намечалось принять Учредительным Собранием не позднее 1 октября 1948 г., вообще никогда не была принята. Несмотря на то, что с тех пор израильскому обществу предлагались десятки разных проектов конституций (в том числе Израильского института демократии, Института сионистской стратегии и т.д.), ни один так и не был принят². Израиль – вполне уникальное по нашим временам явление: государство без формальной конституции.

Сами евреи полушутя говорят на этот счет: «А зачем нам конституция? У нас есть Тора и Талмуд!»³. И уже вполне серьезно поясняют: наше государство основано на принципах, заложенных в наследии еврейского народа.

Что же это за принципы? Для тех, кто читал Тору и Талмуд, тут нет секрета. Тора провозглашает основополагающий принцип еврейского превосходства (религиозный взгляд на все мировое еврейство как на единственный в своем роде, особый, бо-

² Со многими из них можно познакомиться на сайте проекта «Конституция на основе широкого консенсуса».

³ Если верить Википедии, не так давно министром и депутатом Кнессета от партии ШАС Ицхаком Хаимом Перецем было вновь высказано именно такое мнение, которое в течение тысячелетий является мнением большинства евреев: «У народа Израиля есть конституция, которой уже 4000 лет. Такой конституцией является Тора».

гоизбранный народ), а стотомный Талмуд переводит этот принцип в бесчисленное множество бытовых, моральных и политических рекомендаций⁴. Кроме того, в Торе также содержится 612 заповедей, как запретительного, так и разрешительного свойства, комментарии к которым можно найти в Талмуде. Комплекс представлений, имеющих религиозное происхождение, давно и успешно обмирщен и служит цементом всего еврейства, скрепляющим эту своеобразную нацию-религию. Образно говоря, Тора – фундамент, а Талмуд – здание, в котором живет душа еврейского народа целиком.

Подобного изобилия главных и второстепенных установлений, насквозь этноэгоцентричных, действительно хватило бы любому народу на все случаи жизни, чтобы урегулировать все свои отношения с Богом, с ближним (таковым еврей должен считать только еврея) и с миром. Что могла бы добавить к этому конституция? Разве только внести яблоки политического раздора в еврейское национальное единство⁵. Неудивительно, что еще 13 июня 1950 года кнессет первого созыва не сумел достичь согласия насчет обещанного Основного закона. После длительных дебатов было решено, что вместо него будет принято много основных законов, каждый из которых представит собой как бы раздел грядущей Конституции. Однако на сегодня принято лишь одиннадцать таких «основных законов», что далеко не закрывает проблему, причем с 1990-х годов процесс заморожен...

К великому сожалению, у русских подобных документов для себя, как Тора и Талмуд для евреев, не сложилось за всю их историю, а до тех пор, пока они не появятся, взять пример с Израиля нам не удастся. Весь урок, который мы могли бы сегодня извлечь из сказанного, состоит в том, что следует всем русским народом самым тщательным образом и не спеша рассматривать проекты Основного закона, широко и публично их обсуждая, чтобы принять лучший из них через максимально возможный консенсус.

В связи со сказанным нам остается обратиться к конституциям свежее испеченных национальных государств, образовавшихся на месте вчерашних «братских республик» Советского Союза, чтобы поучиться у бывших братьев, как надо заботиться о себе и своей стране, если хочешь обрести реальный суверенитет. Ведь нет никаких сомнений, что именно это стремление оторвало четырнадцать наций их от бывшего центра и подвигло на все издержки самостоятельного государственного строительства. Нам предстоит пройти их путем, это уже очевидно; – так надо не стесняясь заимствовать опыт.

Украина. Начнем с ближайшего во всех смыслах, включая и кровно-исторический, соседа: с независимой Украины. Ее Конституция наиболее поучительна. Что, к примеру, гласит основной закон этой страны по поводу украинской нации?

А вот что:

«Статья 11. Государство содействует консолидации и развитию украинской нации, её исторического сознания, традиций и культуры, а также развитию этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности всех коренных народов и национальных меньшинств Украины».

Как видим, основной закон страны закрепляет четкое принципиальное разделение всего населения Украины на три неравноценные категории: есть украинская нация – государствообразующий народ с его историческим сознанием, традициями и культурой, а есть наряду с ним также и коренные народы, и национальные меньшинства. Важно понимать: в отличие от политической «российской нации», выдуманной недобросовестными политтехнологами, «украинская нация» – есть нация этническая, этнонация.

⁴ Доктрина сионизма, не отбрасывая божественную санкцию еврейского превосходства, успешно переводит эту точку зрения на светские рельсы.

⁵ Справедливо сформулировала профессор Рут Габизон: «Жёсткая конституция нежелательна, если она принята без широкого согласия в обществе и в обход надлежащей и всесторонней подготовки. От принятой таким образом конституции больше вреда, чем пользы». Как раз наш случай.

По приведенной тройственной классификации, научно абсолютно состоятельной, русские, к примеру, являются национальным меньшинством Украины. И это в соседнем, самом близком государстве, с которым мы веками жили вместе, жили одними идеалами, целями и традициями, одной верой, общей историей, чья столица навсегда – «мать городов русских». Так, однако, постановил украинский народ, с которым мы, имея общие корни, столетиями считали себя одним целым.

Обратим тут особое внимание: украинцев нисколько не смущает риск дезинтеграции страны и нации, которым так любят пугать русских в России (и запугали уже до предела, до скверного анекдота). Они не боятся, что от «украинской нации» отделятся огромные этнические контингенты, что эта нация сократится в своем удельном весе. Не боятся, потому что понимают главное: консолидация государствообразующего народа – важнее всего для устойчивости государства. Ибо это есть его главная скрепа. Важна, прежде всего, реальная этническая солидарность украинцев между собою, а не мнимая солидарность всех со всеми в рамках фантомной нации типа «россиян».

Но ведь этническая солидарность начинается с четкого разделения: вот свои – а вот чужие. Чужие, даже если тысячу лет живут бок о бок! Значит, нечего бояться этого разделения, надо смело его признавать со всеми вытекающими выводами и последствиями. Лучше быть меньше числом, но зато этнически чище и сплоченнее: вот что поняли украинцы на всем своем историческом опыте, на опыте борьбы за самих себя, за свою самобытность и независимость, за свой суверенитет. И утвердили это понимание в своей Конституции.

Не стоит дом без хозяина. И на вопрос «Кто в доме хозяин?» украинцы ясно и бестрепетно ответили: «Мы!». Даже не задумываясь о том, как на это отреагируют другие народы и этнические группы. Даже тени такой мысли не допустив!

Что бы теперь ни случилось с Украиной, вся ответственность будет лежать именно и только на ее истинном хозяине – украинцах. Мне лично такое поведение кажется правильным, ответственным, мужским.

Украина не менее полиэтническая страна, чем Россия, в ней живет более ста народов, народностей и племен. Но ни у кого не поворачивается язык (да никто и не осмеливается, ибо это просто незаконно, противоречит Конституции Украины) обозвать её «многонациональной»! Это мононациональная страна, страна украинской нации, страна украинцев. Почему же у них – так, а у нас иначе, почему у нас нет такой постановки вопроса? Тут есть над чем задуматься.

Далее:

«Статья 12. Украина проявляет заботу об удовлетворении национально-культурных и языковых потребностей украинцев, проживающих за пределами государства».

Обратите внимание: такова норма основного закона братского народа украинцев! Таково их отношение к своему народу, независимо от места его проживания. «Украинцы – поверх любых границ!» – вот их девиз.

А что у нас вместо этого? Сколько миллионов русских брошено нами на произвол судьбы? По меньшей мере 20 млн в ближнем зарубежье и 10 – в дальнем. Но наша государственная политика даже не заикается о русской ирриденте (объединении), хотя это важнейшее требование времени лежит на поверхности.

Далее:

«Статья 13. Земля, её недра, атмосферный воздух, водные и иные природные ресурсы, находящиеся в пределах территории Украины, природные ресурсы её континентального шельфа, исключительной (морской) экономической зоны являются объектами права собственности Украинского народа. От имени Украинского народа права собственника осуществляют органы государственной власти и органы местного самоуправления в пределах, определённых настоящей Конституцией.

Каждый гражданин имеет право пользоваться природными объектами права собственности народа в соответствии с законом».

Вы поняли? Каждый, кто ходит по украинской земле, ходит по земле, принадлежащей украинскому народу. Каждый, кто дышит воздухом на Украине, дышит возду-

хом, принадлежащим украинскому народу. И все должны об этом знать и помнить, хотя пользоваться этими природными дарами может каждый гражданин!

И ведь вот что важно: никто в мире не попрекает Украину её Конституцией, не говорит, что в ней идет речь о нарушении прав человека. Украина – уважаемый член мирового сообщества, с ней дружит Вашингтон...

Таковы важнейшие особенности Конституции Украины как национального государства. Данный пример показывает, как ставит вопрос народ, который знает, любит и уважает себя, помнит о своих правах, потребностях и интересах, заботится о своих детях и внуках, о своем будущем. Народ, у которого есть чему поучиться. Народ, который способен и других заставить уважать свои права и интересы.

Разве так обстоит дело у русского народа? А ведь мы намного более многочисленны, нежели украинцы. И в составе населения своей страны мы занимаем больший удельный вес...

Казахстан. Казахи обогнали Россию, поспешив утвердить свой суверенитет в нынешних границах еще в январе 1993 года. Самой характерной особенностью свежего документа, выдающей основное настроение, с которым он писался и утверждался, было следующее положение, записанное в первом постулате «Основ конституционного строя»: «Республика Казахстан как форма государственности самоопределившейся казахской нации обеспечивает равные права всем своим гражданам».

Пикантность ситуации в том, что на момент отделения Казахстана от России казахов в нем проживало в целом немного менее (44%), чем русских (46%). А в восьми областях Северного Казахстана, примыкающих непосредственно к нашей границе (для нас это Южный Урал), русские и вовсе составляли от 70 до 90% населения. Это не считая отдаленной от России Алма-Атинской области, тоже в целом русской. Поэтому основной головной болью Назарбаева и всей казахской элиты было скорейшее закрытие «русского вопроса», ликвидация угрозы распада страны по национальной границе. Отсюда – стремительный перенос столицы из расположенной близ китайской границы Алма-Аты в центр русских областей, в Астану (с 1830 года казачий форпост Акмолинск, позднее Целиноград). Отсюда – обозначение в той же Конституции 1993 года Казахстана как унитарного, а не федеративного государства, хотя оно и являлось федеративным по факту, резко разделяясь на русскую и казахскую половины. Отсюда и такая конституционная основа: «Территория Республики Казахстан является целостной, неделимой и неприкосновенной». Отсюда и поспешная декларация всеобщего равноправия, приведенная выше...

Однако при всем том, даже опасаясь, как огня, русского сепаратизма и воссоединения русских областей с Россией, казахи не смогли удержаться, чтобы не объявить весь Казахстан, вместе с этими областями, «формой государственности самоопределившейся казахской нации». Настолько сильным, эмоционально необоримым оказался порыв к национальному суверенитету, к этнократии. Народ, никогда не имевший своей государственности, народ, спасенный русскими от тотального геноцида со стороны джунгар в XVIII веке, народ, в полном смысле слова созданный советской властью, и награжденный ею огромными землями с русскими людьми, вступил в активную фазу этногенеза – и при первом же удобном случае ухватился за возможность создать свое национальное государство. И создал, и удержал, нисколько не смущаясь тем, что лучшая часть страны принадлежит русским, составлявшим на тот момент национальное большинство страны. И закрепил этот факт в Конституции, в самом откровенном выражении. И это не привело ни к русскому восстанию, ни к гражданской войне, ни к интервенции – и вообще ни к каким политическим неприятностям.

Спрашивается: что могло бы помешать русским, составляющим 80% населения России (а не 44%, как казахи в Казахстане в 1989 году), объявить всю Россию «формой государственности самоопределившейся русской нации»? Поистине, ничто. А между тем, нас привычно пугают восстанием всех нерусских народов, гражданской войной и распадом страны в случае подобной заявки (и уже, опять-таки, запугали до паралича). Казахи не испугались вызвать неудовольствие без малого половины населения, на-

ционально единого, мы же боимся пятнадцати процентов, к тому же национально раздробленных, разобщенных.

Правда, через два года казахи тоже испугались, что перегнули палку – и убрали «дразнящую гусей» формулировку из новой Конституции, принятой в 1995 году и действующей доныне. Испугались, конечно, не русского большинства, пассионарность которого постыдно низка, а несоответствия стандартам западных кураторов.

В остальном Конституция Казахстана 1993 года не содержала каких-либо особенностей, характерных для национального государства, если не считать пункта о выборах президента, которым может быть лишь гражданин республики, «в совершенстве владеющий государственным языком» (ст. 114 п. 1). Поскольку таковым является по Конституции казахский, то ясно, что должность президента заведомо обеспечена лишь казаху. Сказать об этом прямо постеснялись (в отличие от туркмен), но все и так ясно.

Армения. Конституция этой страны, принятая в 2005 году, на сегодняшний день остается наиболее националистической, после украинской. Она провозглашает: «Армянский народ, принимая за основу фундаментальные принципы армянской государственности и общенациональные цели, закрепленные в Декларации о независимости Армении, осуществив священный завет своих свободолюбивых предков о восстановлении суверенной государственности, будучи приверженным делу укрепления и развития Родины во имя обеспечения свободы, общего благосостояния, гражданского согласия для потомков... принимает Конституцию Республики Армения».

Следует в данной связи обратить особое внимание на принципиальное различие двух типов формулировок, применяемых в конституциях национальных государств (бывших республик СССР).

В большинстве случаев сувереном, образующим государство и принимающим конституцию, является, условно говоря, «народ Руритании». Национальный признак здесь исключен, а включен признак подданства, гражданства, территориальности: в данном случае синонимом слова «народ» выступает не «племя», а «население», что соответствует западным демократическим стандартам, выпячивающим права человека и гражданина и игнорирующим права народов (за исключением меньшинств). Именно так обстоит дело с конституциями стран, присягающих Западу на соответствие его идеалам: «народ Латвии», «народ Узбекистана» и др. Как указывалось выше, в Казахстане в конце концов тоже пришли к выводу о необходимости принять именно такую формулировку. Дальше всех в забавном стремлении «передемократить демократов» зашла ельцинская Россия, выдумавшая вопиюще нелепую формулу «мы, многонациональный народ России»...

Но есть и другой подход, учитывающий критерий не гражданства, подданства или территории проживания, а именно национальный, этнический. Это, в первую очередь, касается, как мы видим, Армении. Конституция которой, хотя и не делает в целом различия между гражданами разных национальностей, однако, во-первых, утверждает суверенитет не «народа Армении», а именно и только «армянского народа», а во-вторых, провозглашает (ст. 11.3): «Армяне по национальности приобретают гражданство Республики Армения в упрощенном порядке».

В России, как известно, ничего подобного пока что нет. Напротив, действуют такие законы, нормы и практики, из-за которых русским людям зачастую труднее получить гражданство материнской страны, чем приезжим мигрантам.

Туркмения. Здесь поступили по-восточному хитроумно, пойдя на компромисс между национализмом и демократией западного типа, провозгласив в преамбуле Конституции, принятой в 1995 году: «Мы, народ Туркменистана, основываясь на своем неотъемлемом праве на самоопределение; исходя из ответственности за настоящее и будущее отечества; выражая верность заветам предков жить в единстве, мире и согласии; имея целью охрану национальных ценностей и интересов, укрепление суверенитета туркменского народа... принимаем настоящую Конституцию – Основной закон Туркменистана».

Как видим, в данном случае «народ Туркменистана» оказался поставлен на страже «суверенитета туркменского народа», оказался гарантом этого суверенитета,

если не заложником его. Изощреннейший ход, надо признать! И волки сыты, и овцы целы... При этом истинное лицо туркменского «демократического национализма» недвусмысленно проглядывает из статьи 55: «Президентом может быть гражданин Туркменистана из числа туркмен не моложе сорока лет, проживающий в Туркменистане».

Молдавия. Хитроумием блеснули и представители румынского субэтноса, более известного под именем молдаван, принявшие свою Конституцию в 1994 году. Ее многословная преамбула гласит: «Мы, полномочные представители народа Республики Молдова, депутаты Парламента,

Основываясь на вековом стремлении народа жить в суверенной стране, выразившемся в провозглашении независимости Республики Молдова; учитывая непрерывную государственность молдавского народа в историческом и этническом пространстве его национального становления; стремясь к удовлетворению интересов граждан иного этнического происхождения, составляющих вместе с молдаванами народ Республики Молдова... принимаем Конституцию Республики Молдова, провозглашая ее высшим законом общества и государства».

Здесь представители «народа Молдовы», под которым понимается сумма молдаван и иноэтнических граждан, так же удостоены выразить исторический тренд (якобы непрерывную государственность) именно «молдавского народа», а не какого другого. А другим народам не гарантируется, а лишь обещается «удовлетворение интересов». Все сказано вполне откровенно и недвусмысленно.

Но! Понимая, что такой подход к национальной проблеме расходится с европейским, молдаване решили задобрить, умиротворить Запад и ради этого ввели такие пункты, каких я больше не встречал ни в одной конституции бывших советских республик, а именно:

«Статья 8. Соблюдение международного права и международных договоров. (1) Республика Молдова обязуется соблюдать Устав Организации Объединенных Наций и договоры, одной из сторон которых она является, строить свои отношения с другими государствами на общепризнанных принципах и нормах международного права. (2) Вступлению в силу международного договора, содержащего положения, противоречащие Конституции, должен предшествовать пересмотр Конституции».

Такой «позы подставления», такой готовности пойти даже на изменение собственной Конституции, если этого потребует «мировое сообщество», мы не увидим не только у гордых (но полностью НАТОзависимых) прибалтов, но и у азиатских народов. Так молдаване «выкупили» у «прогрессивного человечества», т.е. Запада, свое право на конституционный национализм.

Прибалтика. Три народа Прибалтики – латыши, эстонцы и литовцы – имеют принципиально разную историю и во многом различный политический старт, чем объясняется и различие в подходах к строительству собственных этнократий (а в том, что там выстроены этнократии, сомневаться не приходится). Фундаментальная разница в том, что Литва в значительной мере сохраняла независимость на протяжении всей своей истории, литовский народ не бывал поработан, у литовцев сохранялась собственная аристократия и культура, а в советский период русские составляли лишь менее 10% населения и компактно размещались, в основном, только в трех городах: Вильнюсе, Снечкусе (вокруг Игналинской АЭС) и в Клайпеде (вокруг порта). Литовцы же в Литве составляли почти 80% населения. В то время как латыши и эстонцы извели 700-летнее рабство (у датчан, поляков, шведов, немцев), не имели своей аристократии и культуры, а к 1989 году титульные народы в обеих советских республиках составляли лишь от 50 до 60% населения, в то время как русские составляли от 34 до 30%. Соответственно, тревоги, страхи и комплексы у латышей и эстонцев, бросившихся осваивать подаренную им судьбой независимость, многократно превышали таковые у литовцев, что и выразилось в законодательной сфере.

В результате получились две принципиально разные модели государственности: в Литве – одна, в Латвии и Эстонии – другая. Литва в меньшей степени ориентировалась на европейские стандарты, а больше на свое национальное самосознание, но зато применила фактическое равноправие ко всем гражданам, независимо от на-

циональности. Латвия и Эстония причесали свои конституции полностью на европейский манер, но выстроили де-факто систему апартеида, запрятав дискриминационные нормы в законодательство о гражданстве и языке.

Официально сувереном Литвы стал «Народ» (так, с заглавной буквы); как сказано в ст. 2 Конституции: «Литовское государство создается Народом. Суверенитет принадлежит Народу». Но: какому именно народу? На это отвечает преамбула Конституции: «Литовский народ, создавший много веков тому назад Литовское государство, основывая его правовой фундамент на Литовских Статутах и Конституциях Литовской Республики, веками решительно защищавший свою свободу и независимость, сохранивший свой дух, родной язык, письменность и обычаи, воплощая естественное право человека и Народа свободно жить и творить на земле своих отцов и предков – в независимом Литовском государстве, радея о национальном согласии на земле Литвы, стремясь к открытому, справедливому, гармоничному гражданскому обществу и правовому государству, по воле граждан возрожденного Литовского государства принимает и провозглашает настоящую Конституцию».

Этот официальный манифест этнократии подкрепляется в дальнейшем еще статьей 32: «Каждый литовец может поселиться в Литве». Однако при всем этом, Литва никак не дискриминировала иноплеменных лиц, поселившихся в ней до распада Советского Союза. Специальный закон оставил гражданство Литвы всем, кто приобрел его до 4 ноября 1991 г. Ни русским, ни представителям других национальностей не пришлось выпрашивать себе заново литовское гражданство, проходя процедуру натурализации, в отличие от Латвии и Эстонии.

В Латвии сувереном, от лица которого принимается Конституция, стал, в европейском вкусе, неопределенной этничности «народ Латвии». Конституция предусматривает при этом существование национальных меньшинств, которые «имеют право сохранять и развивать свой язык, этническую и культурную самобытность». Никакого намека на неравноправие или исключительность титульной нации (как в литовском случае) в латышской Конституции не найти. Но, как уже говорилось, жесткая дискриминация в отношении нелатышей осуществляется там, в основном, на языковой основе.

В Эстонии Конституция также принималась неким «народом Эстонии», в ней также предусмотрены права национальных меньшинств. Однако главными действующими лицами эстонской конституции являются «граждане Эстонии». Почему? Да потому что для того, чтобы стать гражданином Эстонии, оказывается, недостаточно в ней родиться: надо, чтобы один из родителей имел эстонское гражданство (ст. 8). В этом – подвох, ибо это гражданство (как и гражданство Латвии) могут получить далеко не все желающие. В 1992 году только лица, имевшие эстонское гражданство до 16 июня 1940 г. и их прямые потомки (это всего примерно две трети населения Эстонии, в основном этнические эстонцы), оформили своё гражданство по рождению. А 32% жителей вмиг оказались «лицами с неопределенным гражданством», которым предлагалось либо приобрести эстонское гражданство путём натурализации, либо ходатайствовать о гражданстве любой другой страны.

Аналогичная история развернулась и в Латвии. 15 октября 1991 года Верховный Совет Латвийской Республики принял постановление «О восстановлении прав граждан Латвийской Республики и основных условиях натурализации», согласно которому гражданство Латвии признавалось только за лицами, бывшими гражданами Латвийской Республики на 17 июня 1940 года, и их потомками (тоже примерно две трети жителей страны, в основном этнические латыши). В дальнейшем это условие было в несколько этапов смягчено. На сегодня установлены такие цензы для натурализации: пятилетнее постоянное проживание в стране, владение латышским языком, знание конституции, истории и текста гимна, легальный источник доходов. При этом запрещена натурализация лиц, активно действовавших после 13.01.1991. в ряде запрещённых в августе-сентябре 1991 года организаций (Компартия Латвии, Интернациональный фронт трудящихся), лиц с судимостью за деяния, признаваемые преступными в Латвии, лиц, призванных извне Латвии и демобилизовавшихся в Латвии из Советской армии или

внутренних войск. Последних было весьма немало, учитывая количество военнослужащих в этой морской и пограничной для СССР республике.

Таким образом, что бы ни говорилось в тексте внешне европеизированных Конституций Латвии и Эстонии, это не повлияло на жестко этнократический характер обеих новых стран Европы.

Другие бывшие республики СССР. Все конституции оставшихся неупомянутыми независимых ныне национальных (этнократических) государств ничем особым не отличаются. Все они скроены на европейский манер (а Конституция Республики Узбекистан даже была принята лишь после многочисленных консультаций в ООН, СЕ и т.п.), все отдают суверенитет абстрактным «народам» своих стран («народ Узбекистана», «народ Таджикистана»⁶, «народ Кыргызстана», «народ Азербайджана»⁷), что во все не исключает дискриминационную практику в пользу титульных наций. О чем не в последнюю очередь свидетельствует массовый исход русского населения из Грузии (в своем оголтелом национализме и русофобии скатывавшейся во времена Гамсахурдиа или Шеварднадзе к прямому фашизму) или Таджикистана⁸. В меньшей степени это касается Узбекистана, в еще меньшей -- Азербайджана. Зато лидируют упомянутая выше Грузия и Армения, где русских практически не осталось. И т.д.

* * *

В целом, подводя итог анализу государственного устройства некоторых всеми уважаемых национальных государств, можно извлечь такие основные уроки.

1. Во-первых, наличие сколь угодно «приличной», с точки зрения европеизированного рассудка, конституции (и даже полное отсутствие оной, как в Израиле) нисколько не способно воспрепятствовать на практике апартеиду и этнократии. Было бы желание и воля.

2. Во-вторых, наличие четко и однозначно (как в Армении, Литве, а первоначально и в Казахстане) или завуалированно (как в Туркмении и Молдавии) обозначенного суверенитета титульной нации вовсе не превращает такие страны в изгоев мирового сообщества. То же касается Израиля, утвердившего текст присяги еврейскому суверенитету. Да будет их пример нам наукой.

3. В-третьих, представляется целесообразным закрепление в конституции, по украинскому образцу, разделения всего населения на три категории: 1) нацию (государствообразующий народ, каковым в России являются только русские), 2) коренные народы и 3) национальные меньшинства.

4. В-четвертых, необходимо ввести в конституцию принцип единства тех коренных народов, которые оказались в разделенном положении (в России это русские, осетины, лезгины), а также вообще провозгласить для русских единство поверх любых границ, с учетом их языковых, религиозных и культурных потребностей. Примеры чему нам также подают «бывшие братья».

⁶ Ст. 6 Конституции Таджикистана специально разъясняет: «Народ Таджикистана составляют граждане Республики Таджикистан независимо от национальности».

⁷ Ст. 1 Конституции Азербайджана специально разъясняет: «Народ Азербайджана состоит из граждан Азербайджанской Республики, проживающих на территории Азербайджанской Республики и за ее пределами, рассматривающихся как подвластные Азербайджанскому государству и его законам, что не включает нормы, установленные международным правом». Эта формула учитывает жителей Нагорного Карабаха и других временно утраченных территорий.

⁸ «Численность представителей российских этносов в Таджикской ССР к 1989 г. (т.е. к моменту последней советской переписи населения) достигла 490 тыс. человек. Этнические русские составляли 3,7% населения республики. По данным таджикских демографов, основным направлением выезда российских этносов из Таджикистана стала Российская Федерация. Так например, в 1995 году сюда выехало 89% русских из Таджикистана. В целом, за период с 1989 по 2000 годы доля русского населения Таджикистана уменьшилась с 3,7% до 0,4%. Таким образом, нынешняя российская диаспора в Республике Таджикистан равна примерно 10% от числа русского населения Таджикской ССР накануне развала СССР» (Виктор Дубовицкий. Русские в Таджикистане. От присутствия к следу в исторической памяти? <http://www.russkie.org/index.php?module=fullitem&id=12556>).

5. В-пятых, хотелось бы видеть закрепленной в Конституции национализацию земли, недр и естественных монополий в пользу не государства, а государствообразующего и титульного народа России, как это сделано для украинского народа (не «народа Украины»!).

6. В-шестых, следуя примеру фактически федеративных (Украина, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Молдавия, Грузия), но юридически унитарных государств, надлежит отказаться от антиконституционного (прямо нарушающего ст. 19 Конституции России) и противоестественного для русских федеративного устройства российской государственности.

7. В-седьмых, по примеру Туркмении, Казахстана и др. можно в прямом или косвенном виде закрепить право на избрание в президенты лишь за представителями государствообразующего (русского) народа. Понятно, что использовать, как в Казахстане, языковой критерий тут не удастся, нужен другой, скорее всего – открыто этнический.

8. В-восьмых, необходимо учесть насильственный характер прерывания русской государственности в 1917 году и факт ее отсутствия по настоящее время. Соответственно, необходимо поступить по примеру латышей: использовать принцип континуитета, предоставив безусловное гражданство России лишь потомкам тех, кто имел его до той роковой даты, а всем остальным – возможность натурализации на основании ряда цензов. Это особенно актуально в свете текущих миграционных процессов.

9. В-девятых, русским не мешало бы, по примеру евреев, обзавестись сакральным обоснованием своего суверенитета и приоритета.

10. В-десятых, если догоняющий характер развития России в экономическом плане (по отношению к высокоразвитым странам Запада и Японии) – объясним и не вызывает ничего, кроме чувства здоровой конкуренции, то вопиющее отставание России от всех бывших братских республик в плане государственного строительства нельзя ничем объяснить и оправдать. Оно оскорбительно и нестерпимо для русского национального сознания, его необходимо срочно преодолеть любой ценой. Мы, русские, ничем не хуже армян, туркмен, казахов, молдаван, литовцев или украинцев. И не меньше прочих достойны своего национального государства.

К чести русской политологии, попытки создать «Русский проект» (проект основного закона Русского национального государства) уже предпринимались. Насколько они были удачны и соответствовали задаче, пусть судит читатель. Расскажу о них подробно.

КОНСТИТУЦИЯ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ. ЧАСТЬ 2

Ничего удивительного нет в том, что крах изжившего свою «несущую идею» советского социалистического государства породил некий вакуум в умах отечественных цивилистов, который требовал своего заполнения. Старое государство ушло и не вернется, это более или менее понимали все. Но каким же должно быть новое государство? Это всем представлялось совершенно смутно – и ельцинская конституция, содранная с австрийского образца, эту смуту отразила, послужив лишь затычкой на скорую руку для зияющей дыры в представлениях о родной державе.

СССР, хороший или плохой, но он представлял собой достаточно цельный концепт, сложившийся на весьма солидном теоретическом фундаменте, на по-своему стройной и всеобъемлющей парадигме марксизма-ленинизма (включая теорию государства, которой марксисты от Энгельса до Ленина и Сталина недаром придавали большое значение).

Никакой теории, сравнимой по цельности и законченности с марксизмом, у новой власти не было, чтобы создать свой новый и самобытный концепт. Были лишь общие либерально-демократические мечтания да идейки, надерганные из книжек Хайека, Фридмана или Сороса и тому подобных столпов современной западной политэкономии. Максимум, на что были способны бездарные, но самоуверенные разрушители-ельциноиды, – позаимствовать у «умных» и «развитых» народов их типовую модель жизнеустройства, не задумываясь о том, насколько она подходит для России.

Для того, чтобы сделать шаг вперед по сравнению с западным обществом, чтобы вместо «пустого, рабского, слепого подражания» (Грибоедов) создать государство передовое, отвечающее запросам будущего, следовало предварительно создать новое, победное общественное учение на смену марксизму и либерализму. И уже на основе этой новой разработки, новой общественной парадигмы предложить обществу новый концепт будущей России.

Таким учением, как это уже становится ясно, мог стать только русский национализм, вытесняющий в наши дни из людских умов как обветшалые идеалы коммунизма, так и быстро обанкротившиеся идеалы либерализма. Не случайно тема «Русского национального государства» сегодня активно разрабатывается не только нами, но и наиболее продвинутыми умами из противного, либерального лагеря⁹. Но тогда, в начале 1990-х, до этого было еще далеко, поскольку русские националисты начала XX века были советской властью репрессированы и напрочь вытерты из общественного сознания, а новые теоретики еще только оттачивали свои перья. Национализм начала 1990-х был еще практически неотличим от патриотизма и нес на себе все мыслимые родинные пятна советизма и антисоветизма – полный диалектический набор мифологем оставшейся в прошлом эпохи.

Как бы там ни было, но необходимость создать новые мехи для нового вина (сиречь – новый основной закон для государства, оформляющего новое общественное устройство на смену советскому) оказалась осознана не только горе-реформаторами ельцинского призыва. Разговоры о конституционной реформе довольно активно повелись в российских СМИ начала 1990-х.

И вот, одновременно с проектом ельцинистов (и даже несколько ранее, в марте 1993 года) возник конституционный «Проект С.П. Пыхтина». Это, насколько мне известно, была первая попытка национал-патриотов высказаться профессиональным юридическим языком на тему обустройства новой России.

Конституция патриота

Сергей Петрович Пыхтин (1946-2011), своеобразный политолог-самоучка, родился в Москве. К тридцати годам он наконец заочно получил юридическое образование, после чего работал в местных профсоюзных организациях разных проектных и научно-исследовательских институтов. В апреле 1990 г. был избран депутатом Моссовета и депутатом районного Совета, с этого началась его политическая карьера. С мая 1990 г. он – председатель Черемушкинского райсовета Москвы; в 1993 – главный специалист Высшего экономического совета Верховного Совета РФ, в 1996-2003 – сотрудник Счетной Палаты РФ.

В 1992 г. Пыхтин вошел в оргкомитет Союза возрождения России (СВР) и был одним из инициаторов создания Международного Конгресса Русских общин. Личная дружба с А.Н. Савельевым (в 2003-2007 состоял при нем как помощник депутата ГД РФ) превратила их творческий тандем в своеобразный идеологический двигатель КРО, благо сам Д.О. Рогозин чурался любых теоретических разработок, отдав идеологию на откуп Савельеву и Пыхтину.

⁹ Подробнее см. мои статьи: 1) Учиться, учиться и учиться... Национализму! – Вопросы национализма, № 4, 2010; 2) Проект «Национал-либерализм». – Литературная газета, № 34, 2012; 3) Разбалансировка дискурса. Национал-демократия или национал-либерализм? – Вопросы национализма, № 13, 2013; 4) Полнобил либерал националиста... – Наш современник, № 9, 2013.

Едва ли не первым памятником идеологического доминирования Сергея Пыхтина в КРО как раз явился «Основной закон России. Проект С.П. Пыхтина. Одобрен Политсоветом Союза Возрождения России 26.03.93 и Конгрессом русских общин 30.03.93»¹⁰. Надо отдать должное автору, раньше многих других понявшему необходимость выразить свой концепт новой России на языке строгих юридических формул. Однако что же представлял собою сам концепт как таковой?

Оценивая этот и последующие проекты, я исходил из того, что любая конституция сходна с уставом любой общественной организации: наряду с обязательными и более-менее у всех одинаковыми нормами, она должна содержать четыре наиважнейшие договоренности: 1) о целях и задачах организации (государства), 2) о создателях и участниках организации (членах, гражданах – носителях суверенитета), 3) о правах и обязанностях членов (граждан), 4) о принципах руководства и руководящих органах. Вся суть дела в этом. Когда речь идет о государстве, первостепенное значение имеют также вопросы о границах и об административно-территориальном устройстве. Все остальное – «слова, слова, слова».

Соответственно, необходимо любой конституционный проект анализировать, в первую очередь, по этим четырем направлениям.

1. Итак, кто и для кого создает Россию? Проект Пыхтина начинается словами: «Мы, народ России...». Как видим, создателем и сувереном государства «Россия» объявляется народ. Поскольку никаких расшифровок не предлагается, под этим словом следует понимать всех полноправных граждан страны, каковые найдутся на момент голосования по данному проекту. Безотносительно к их национальности и другим характеристикам. Это подтверждается в пп.1 и 2 ст.1 (Государственный уклад): «Суверенитет принадлежит всем гражданам России»; «Источником власти являются граждане России».

Таким образом, подчеркну: сувереном России, по Пыхтину, является ее народ, понимаемый как согражданство, в духе французской или американской модели нации. Что противоречит, скажем, немецкому или русскому пониманию, опирающемуся на национальную принадлежность государствообразующего народа (нации), которому оный суверенитет и должен принадлежать.

Естественно, при такой постановке вопроса особое значение принимает вопрос о гражданстве. И тут нас ожидает первая важная новация: «Гражданами России являются подданные Российской Империи, граждане Российской Республики и граждане Союза Советских Социалистических республик и их дети, добровольно не отказавшиеся от гражданства и не принявшие гражданства других государств, а также и места проживания, если они не приняли гражданство других государств, а равно если они приняли такое гражданство по принуждению».

Таким образом, правом на гражданство люди изначально наделяются не по национальности (не по происхождению, не по принадлежности к одному из коренных народов России), а исключительно по сохранению ими верности различным формам российской имперской государственности всех времен. Оригинальный подход!

Ниже, в статье о правах и свободах человека и гражданина, вновь подчеркивалось, что право на гражданство не зависит от национальности, от происхождения самого претендента или его родителей: «Каждый (!) ребенок, родившийся под юрисдикцией России, вправе быть немедленно после рождения зарегистрирован и наречен, приобретая тем самым гражданство России» (п. 22 ст. 2). Как видно, миграционная проблема в начале 1990-х еще не стояла перед законодателем с сегодняшней остротой.

Почему был выбран такой необычный принцип раздачи гражданства? Секрет прост: Пыхтин не признавал распада Советского Союза, для него было важно «оставить дверь открытой», сохранить мысленное единство страны, закрепить в конституционном устройстве России возможность реставрации Империи.

¹⁰ Выпущен отдельным изданием формата А-4 на газетной бумаге с такими выходными данными: «Политика № 2. 1993».

Его проект говорил об этом вполне недвусмысленно.

2. Об имперских амбициях автора свидетельствовали не только символы государства (с. 12), им предложенные: «Государственный герб России представляет собой изображение черного двуглавого орла, увенчанного тремя коронами,.. а на крыльях – гербы исторических царств и великих княжеств России» (п. 1 ст. 12), «Государственный флаг России представляет собой прямоугольное полотнище с равновеликими горизонтальными полосами: верхняя полоса черного цвета, средняя – золотого цвета, нижняя – белого цвета» (п. 2 ст. 12). Иными словами, в государственной символике повторялись герб и флаг Российской империи, какими они утвердились при Николае Первом в ходе геральдической реформы под руководством барона Б. Кене, поклонника германской традиции.

В преамбуле утверждалось: «...провозглашая правопреемство Российской империи, установленной в 1721 г., Российской Республики, установленной в 1917 г., и Союза Советских Социалистических Республик, установленного в 1922 г.».

Тем самым подчеркивалось, что правопреемство ведется не от варяжской империи (Киевская Русь) и не от русского национального государства (Московская Русь), а исключительно от более поздних имперских форм, что соответствовало яркому имперскому патриотизму Пыхтина, не принимавшего идею русского национального государства ни в каком виде. Вопреки совершившемуся факту необратимого распада СССР, проект утверждал:

«Государственный суверенитет России распространяется на все территории, водное и воздушное пространство, континентальный шельф и иные объекты, принадлежащие ей по праву (по какому? Об этом проект умалчивал. – А.С.)... Россия не признает никакие ограничения или умаления суверенитета, в том числе и в отношении правопреемства, принятого Россией согласно Основному Закону» (п. 4 ст. 1). Поскольку правопреемство устанавливалось в том числе от СССР, трактовать данный пункт можно было однозначно: рано или поздно Россия будет восстановлена как минимум в границах Советского Союза. Венчающий первую главу пункт это подтверждал: «Основной Закон распространяется на территорию первоначальных губерний, на которые распространяется суверенитет России на момент вступления его в силу. В остальных частях России он вступает в силу по их присоединении» (п. 18 ст. 1). А п. 6 ст. 1 подчеркивал: «Ничто в Основном Законе не может толковаться в ущерб законным притязаниям России».

Как далеко должны были простираться права и законные притязания России? Прямо в тексте проекта Пыхтин об этом не говорил, но в частном разговоре с автором этих строк, году этак в 1996, декарларировал: Россия-де должна простираться повсюду, где только ступала нога российского солдата и развевался российский флаг. То есть, как минимум в рамках Варшавского договора. Я в ответ улыбался, но Пыхтин был настроен весьма серьезно и решительно.

3. Управление Россией, по Пыхтину, должно осуществляться в рамках модели парламентской республики. Президент из экстренных полномочий сохраняет лишь пост верховного главнокомандующего и право объявлять чрезвычайную ситуацию (п. 3.5). Вся же реальная власть, собственно управление страной, сосредоточена в Земском Собрании, вплоть до «решения вопросов войны и мира» (п. 4.4). Правда, есть еще Кабинет Министров во главе с Премьер-министром, но весь этот орган полностью зависит от Земского Собора вплоть до того, что и премьер, и канцлер и министры назначаются из числа его членов.

Земский Собор состоит (внимание!) из трех палат: Государственной Думы, Сената и Государственного Совета. В первой – 500 депутатов, избираемых по партийным спискам; во второй – сенаторы, по двое от каждой губернии; в третьей – председатели палат губернских земских собраний, что усиливает приоритет законодательной ветви власти на всем пространстве России. Национальное представительство этим проектом не предусмотрено.

Из новаций Пыхтина можно отметить следующее: «Самоуправление осуществляется в городах, уездах, волостях и районах в крупных городах» (п. 8.1).

Но самое интересное состоит в том, что права всех госслужащих – сверху донизу – существенно ограничены в одном важном пункте:

«2.19. Не могут быть членами партий и участниками движений Президент, должностные люди и служащие рабочих органов Президента, Контрольной палаты и Ревизионной палаты, рабочих органов Земского Собора, рабочих органов Премьер-министра, Кабинета министров и министров...» и т.д., то есть служащие вообще.

Помимо того, что этим пунктом грубо попираются элементарные гражданские права огромного и весьма важного сектора российского общества, он вызывает также нарекания и по своему смыслу. На мой лично взгляд, если не беда, то большая проблема нашего общества как раз состоит в том, что наши президенты, начиная с Ельцина, – беспартийны. Об этой проблеме я писал еще в середине 2000-х годов в статье «Solo partia – partia solo»:

«В цивилизованном мире нет и не может быть президентов... беспартийных! Все правители наиболее уважаемых стран имеют партийную принадлежность: Блэр – лейборист, Буш – республиканец и т.п. Только партии выдвигают на пост президентов и премьер-министров в Германии, Франции, Японии, Испании и т.д. Выдвигают тех, кто в своей деятельности, в своих выступлениях наиболее убедительно воплощает программные установки партии, кто наиболее внятно их артикулирует (или создает) и наиболее последовательно проводит в жизнь. И предварительный отбор кандидата проводит именно партия, организуя вначале внутренние выборы, на которых соревнуются кандидаты-однопартийцы.

В этом колоссальная разница между выборами президента в Европе и Америке – и российскими выборами.

Голосуя за того или иного президента, граждане Европы и Америки голосуют за платформу, за политическую программу партии, которая не может быть изменена по прихоти одиночки. Эта программа публична, она принята как руководство к действию всех ее членов вплоть до президента, она масштабна, долгосрочна и касается, как минимум, всей страны. За выполнение этой программы президент отвечает перед выдвинувшей его партией и перед всей страной. А партия – многомиллионная рука и разум – его контролирует. И избиратель это знает.

За что голосует гражданин России, избирая президента? За красивые глаза? Или за красивые слова? (Нас недаром призывают «голосовать сердцем», не включая мозги! Как это точно! Как это тошно! Как по-русски!)

Нет, российский гражданин голосует лишь за свои смутные, ничем не обеспеченные надежды, забывая поговорку о том, что надежда есть отложенное разочарование. Зато дальнейший ход событий ему об этом неизбежно напоминает.

...Президент вовсе не торопится в партийные сети. Плохо ли ему? Да, не опираясь на партию, он не может эффективно управлять страной. Ну и что?! Плевать! Зато и партия не может им управлять! Ведь его личная власть полностью бесконтрольна и полностью безответственна, как у римских императоров эпохи упадка. Зачем же ему на себя одевать хомут партийных обязательств? Зачем связывать себя партийной ответственностью и дисциплиной, которым подчинялся даже Сталин, а вот он – не подчиняется? Зачем подписываться под обязательствами, выполнять которые он не собирается?

Президент России – невменяем. Не в психологическом, конечно, а в политическом и юридическом смысле. Ну, а если он и в самом деле вдруг рехнется? Это сильно скажется на нашей жизни и судьбе страны, но, как ни странно, никак не скажется на его собственном положении.

Скорее всего, следующий претендент в президенты, учитывая ельцинско-путинский опыт, тоже не захочет быть партийным, предпочтет остаться «общенародным». И вновь российские избиратели проголосуют неизвестно за что. И вновь у них не будет никаких гарантий, что предвыборные обещания будут выполняться. Ведь обещания гражданина – это не партийная программа. «Обещать – не жениться».

У нас не только неуправляемая страна.

У нас еще и неуправляемый, невменяемый президент.

О чем это говорит?

Выборы беспартийного президента в такой стране, как Россия, есть политический нонсенс и проявление позорного неуважения к самим себе. Они должны быть запрещены законом! Мы не Монако и не Лихтенштейн».

Мне нечего добавить к сказанному, кроме того, что чиновники любого ранга, лишённые партийного контроля, хуже чиновников, такому контролю подверженных.

4. Права и свободы граждан выделены Пыхтиным в статью вторую. Понятно, что в обстановке продолжавшегося «демократического угара», вспыхнувшего с приходом Горбачева и еще не остывшего, данная тема разрабатывалась Пыхтиным вдохновенно и заняла аж 58 пунктов. Первый же из которых провозглашал равенство всех граждан «перед законом, властью и правосудием независимо от какого бы то ни было различия в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, этнического и социального происхождения, имущественного, сословного положения или иного обстоятельства».

Важно отметить, что данное равноправие распространено законодателем лишь на граждан, а не на всех подпадающих под российскую юрисдикцию лиц. Такая избирательность – принципиальна, она устанавливает необходимое, на мой взгляд, неравенство в пользу граждан России по сравнению с прочими пребывающими на ее территории людьми.

В дальнейшем эта избирательность устанавливается Пыхтиным в отношении таких прав и свобод, как «свободное передвижение и свободу выбора местожительства», «право покидать и право въезжать в Россию», «право на признание его правосубъектности» (не очень вразумительная формулировка, означающая, по-видимому, гражданскую полноправность), «право беспрепятственно придерживаться своих мнений, а равно право на свободное выражение своего мнения», «право на свободу ассоциаций с другими гражданами», «право... на мирные собрания, митинги, шествия, демонстрации и пикетирование», «право на свободу ассоциаций с другими гражданами», «право на объединение в политические партии», «на забастовки», «на свободу от голода», «на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья», альтернативную воинскую службу и т.д.

Что касается граждан других государств, находящихся на территории России, они наделены правами лишь в той мере, в какой граждане России наделены ими на территории соответствующих государств.

В целом набор гражданских прав и свобод стандартен и хорошо известен. Не останавливаясь на их перечислении, отмечу только некоторые особенности.

Важным и новаторским пунктом является следующий:

«2.24. (2) Никто не может быть принужден к определению и указанию на принадлежность к меньшинству, а равно никто не может требовать особых прав на основании такой принадлежности».

Данный пункт написан в противовес не только западной модели демократии, давно превратившейся в диктатуру меньшинств всех сортов, но и российскому закону «О коренных малочисленных народах Российской Федерации», нарушающему статью 19 действующей Конституции России и грубо попирающему принцип равноправия этносов. Он, несомненно, достоин переноса в будущую нашу конституцию.

Таким же представляется следующий пункт:

«2.25. Законом обеспечиваются права, привилегии и традиции, исторически принадлежащие казачеству как особому сословию России».

Здесь все верно и справедливо: и признание казачества сословием, а не отдельным народом, как хотелось бы некоторым горячим до безрассудности казачьим головам, и признание его особых прав, привилегий и традиций.

Отмечу также, что:

«2.38. Гражданство России пожизненно и неотчуждаемо.

Гражданин не может быть выслан за пределы России, а равно не может быть выдан другому государству или объявлен вне защиты или юрисдикции России или лишен ее покровительства, где бы он ни находился».

Здесь, на мой взгляд, есть как позитив (невыдача и защита граждан), так и негатив (неотчуждаемость гражданства). Хотя в качестве альтернативы лишению гражданства Пыхтин сохраняет смертную казнь, что позволяет в принципе решить проблему очищения нации, хотя и менее гуманным способом.

Наряду с институтом смертной казни «за самые тяжкие преступления», проект Пыхтина сохраняет некоторые другие важные достижения всем еще хорошо памятного социалистического строя: право граждан на труд и на его «справедливые и благоприятные условия», на бесплатную медицинскую помощь, на бесплатное среднее (но не высшее) образование, на жилище.

Вместе с тем, контуры нового, капиталистического бытия также просматриваются в пыхтинском проекте, в виде права гражданина «быть собственником» и вести предпринимательскую деятельность.

5. Интересно и важно остановиться на проекте административно-территориального устройства будущей России по Пыхтину.

Обращу сразу внимание читателя: слово «федерация» в официальном названии государства отсутствует, однако ст. 1.8 гласит: «Административно-территориальное устройство России представляет собой федерацию равноправных территорий, именуемых губерниями». Таким образом, в текст вкрадывается противоречие между идеей «единого, неделимого», с одной стороны, – и федеративного, т.е. договорного, государства. По-видимому, автор пытался найти компромисс, пытаясь заменить асимметричную федерацию – симметричной, отменив принцип национальных республик и иных образований, но при этом, все же, не решаясь провозгласить унитарное государство.

Понятно, что такое предложение вызвало бы резкое сопротивление у титульных народов, но при этом не укрепило бы единства страны, поскольку не придало бы цельности основной скрепе государства – русскому народу, закрепив, напротив, его раздробленное состояние. Ибо федеративное устройство страны предполагает наличие федеративного договора, в котором, в том числе, одни равноправные русские губернии будут договариваться с другими такими же (скажем, Вологодская с Архангельской и т.д.) о создании единого государства. При этом единый суверенитет русского народа на всем пространстве России окажется разрушен непоправимо. И мы, вместо единого русского народа, получим «вологодских русских», «архангельских русских», «тверских русских», «новгородских русских», «ростовских русских» и проч.

В проекте конституции Пыхтина нет подробностей относительно количества и наименований губерний, но есть глава, посвященная «Правлению губерний», где прописано существование для каждой из губерний трех ветвей власти: «представительной, административной и судебной». Иными словами, суд из федерального органа власти превращается в местный, губернский. Понятно, что такое установление будет способствовать обособлению губерний, ослаблению позиций центральной власти, приведет к усилению сепаратизма, в том числе, что особенно страшно, русского.

Таким образом, сохраняя противоестественное федеративное устройство России, с одной стороны, и претендуя на восстановление ее имперского величия, с другой стороны, Конституция Пыхтина несет в себе неразрешимое противоречие. Радикальный патриотизм, лишенный националистического запала, оказывается разрушительным для нашей страны. Наглядный пример опасности полумер.

Конституция национал-демократа

В середине 1990-х годов в национал-патриотических кругах прошла дискуссия, размежевавшая патриотов, отдающих приоритет государству перед нацией, и националистов, поступающих ровно наоборот. Одним из следствий этого явилась попытка создания националистической русской конституции.

В 1998 году коллектив молодых русских юристов-националистов (студентов и аспирантов юрфака МГУ и Института государства и права РАН), объединившихся в Ли-

гу защиту национального достояния под моим руководством, подготовила проект новой конституции России как национального русского государства.

Что же предлагает этот проект (далее: ПК)?

* * *

Первое. Преамбула «Мы – Русский Народ¹¹... создаём свое независимое национальное государство Россия и принимаем его Конституцию», возвращает русским как суверенность, так и субъектность, естественно соответствующие действительному положению вещей в нашей мононациональной стране России. Она же устанавливает и закрепляет де-юре существующую де-факто роль русских как государствообразующей нации.

Эти положения закреплены также в главе 1-й «Основы конституционного строя Русского Государства» в следующих статьях:

статья 1: «Россия (Русское Государство) является национальной, демократической, социальной, правовой республикой...»;

статья 2 п. 1: «Россия – национальное государство. Основной задачей Русского государства является защита безопасности и содействие всестороннему развитию Русской Нации и каждого гражданина России».

Вместе с тем, в ст. 4 говорится: «Россия – демократическая республика. Все граждане России независимо от национальности, вероисповедания, пола, расы, социального положения и политических убеждений являются в совокупности единственным источником суверенитета России». Таким образом, в ПК заложен определенный компромисс: с одной стороны, суверенитет закреплен за нацией как согражданством, но с другой стороны он же придан и русскому народу как государствообразующему, как нации.

Второе. ПК не допускает возможности нарушения общегражданских прав русских людей в областях, где они представляют меньшинство. Такое положение закреплено в главе 2-й «Права и свободы человека и гражданина», устанавливающей полное равенство всех граждан России в отношении прав и свобод, а также в главе 3-й «Административно-территориальное устройство», согласно статьям 79, 82, 87, 88 которой в автономиях помимо выборного Главы и Автономного Совета существует также Наместник, назначаемый Президентом России, представляющий Президента в автономии и имеющий своей задачей защиту и представительство интересов «русского населения и национальных меньшинств», для чего Наместник обладает рядом существенных полномочий.

Третье. Все коренные народы России получают преимущества перед иностранцами и лицами без гражданства. Это отчетливо выражено в главе 2-й, где наряду с общечеловеческими правами, закреплёнными от рождения за любым человеком (что грамматически выражается в соответствующих статьях простым подлежащим «каждый»), закрепляются также права, относящиеся исключительно к гражданам (что выражается сложным подлежащим «каждый гражданин России»). Ряд таких исключительных прав содержится и в действующей Конституции (далее: ДК), но ПК существенно расширяет этот список. Это относится к таким правам: определять и указывать свою национальную принадлежность; свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства; на участие в объединении, включая право создавать союзы, в том числе профессиональные, для защиты своих интересов; на труд и вознаграждение за него не ниже установленного законом минимального размера оплаты труда, а также право на защиту от безработицы; на отдых; на социальное обеспечение; на жилище; на образование, в том числе бесплатное высшее.

¹¹ Со временем появилась новая редакция проекта, в которой данная формула была расширена: «Мы, Русский Народ и все граждане России...». Это было сделано для того, чтобы придать новой Конституции легитимность в глазах не только русских, но и всех будущих граждан России, не допустить их отчуждения от государства. Но суть формулы, манифестирующей суверенность и правосубъектность русских, от этого не изменилась. Пришлось лишь поделиться ею – но не с другими народами (что существенно: суверенный народ, хозяин страны, может быть лишь один!), а лишь с отдельными гражданами.

При этом все иные права и свободы, установленные ДК только для граждан России, никак не ограничиваются, за следующими исключениями:

право на равный доступ к государственной службе (ст. 32 ДК п. 4) отнесено авторами Проекта к компетенции будущего закона о гражданстве, в виду необходимости ограничить доступ к ряду должностей лицам с двойным гражданством в зависимости от страны второго подданства;

право на замену военной службы на альтернативную гражданскую, если первая противоречит убеждениям или вероисповеданию гражданина (ст. 62 ДК п. 3), отнесено авторами Проекта к компетенции соответствующего закона в виду неразъясненности выражения «противоречит убеждениям»;

введено положение (ст. 62 ПК п. 3), согласно которому гражданин России может быть лишён своего гражданства Верховным Судом (имея в виду продвижение России к отмене смертной казни и необходимость адекватной защиты граждан от неисправимо антиобщественных элементов).

Более подробное разграничение прав граждан и неграждан будет проведено в рамках закона о гражданстве.

Четвёртое. Гражданами России априори «признаются все лица, принадлежащие к русской национальности и другим коренным народам России, независимо от места проживания» (гл. 1, ст. 11 ПК). Подобный принцип гражданства «по крови» имеет аналогии в конституционном устройстве ряда стран, в частности, Германии и Израиля, но особенно актуален он в сегодняшней России, в мгновение ока потерявшей 25 млн своих сограждан, многие из которых сегодня нуждаются в дополнительном (российском) гражданстве для защиты своих прав. Поэтому, хотя в целом «гражданство России приобретается и прекращается в соответствии с... конституционным законом» (там же), но этот принцип выделен специально и конституционно закреплён. Статья 16 ПК развивает эту тему так: «1. Россия стремится к воссоединению Русской Нации, оказавшейся в разделённом положении. 2. Россия стремится к свободному объединению со своими историческими территориями, населёнными преимущественно русскими людьми и представителями коренных народов России. 3. Русское государство стремится к добровольному государственному союзу народов общерусского корня: русских, украинцев и белорусов». Естественно, что Проектом «запрещается политическая и общественная деятельность, направленная против независимости, единства, общественной и национальной солидарности Русской Нации, прав и свобод граждан России» (ст. 9). Наконец, надо упомянуть, что репатриантам из числа коренных народов России, наряду с многодетными и малообеспеченными, Проект обеспечивает право на жильё бесплатное или за доступную плату (ст. 41 п. 3).

Проводя определённое различие в правовом отношении между гражданами и негражданами, ПК предполагает создание нового, отвечающего русским интересам и потребностям Закона «О гражданстве», разработкой которого в настоящий момент занята Лига защиты национального достояния.

Пятое. Упразднение нынешнего национально-территориального деления России и замена Совета Федерации как верхней палаты высшего законодательного органа на президентский Совет губернаторов, глав автономий и заместителей (с совещательными функциями), – всё это исключает несправедливую в отношении русских и невыгодную для них диспропорцию национального представительства в высшем представительном органе власти. В настоящее время Кремль попытался сделать шаги в данном направлении, но не рискнул менять Конституцию и пришёл к половинчатому, паллиативному решению, не отменившему проблему.

Итак, Проект, это очевидно, исправляет те недостатки, закреплённые и усугублённые ДК, которые, с русской точки зрения, содержатся в сегодняшней российской общественной жизни.

Но это еще не все, что делает ПК националистическим.

* * *

Понимая всю щепетильность национальной темы даже в мононациональной стране, где наряду с государствообразующей нацией присутствуют, всё же, и малые народы, и национальные меньшинства, авторы проекта учли это обстоятельство и конституционно закрепили всеобщее гражданское равенство и защиту прав этих народов и меньшинств. Цитирую ПК:

«Статья 2: Основной задачей Русского Государства является защита безопасности и содействие всестороннему развитию Русской Нации и каждого гражданина России (здесь и далее выделено мной. – А.С.)...

Статья 3: Россия признает право на национальное самоопределение за крупными коренными народами России, составляющими устойчивое большинство в местах своего исторического проживания, в форме автономии либо отделения на основании... конституционного закона.

Россия гарантирует права малочисленных коренных народов в местах их исторического проживания в соответствии с... законом.

Русское Государство признаёт полную свободу национальной жизни и культурную автономию всех этнических общин и групп, проживающих на его территории.

Статья 4: Россия – демократическая республика. Все граждане России независимо от национальности, вероисповедания, пола, расы, социального положения и политических убеждений являются в совокупности единственным источником суверенитета России...

Статья 27 п. 1: Каждый гражданин России вправе определять и указывать свою национальную принадлежность посредством проставления специальной отметки в паспорте.

Статья 30 п. 2: Не допускается пропаганда или агитация, возбуждающая социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду...

Статья 139 п. 4: Судопроизводство по вопросам семейного и уголовного права в отношении представителей титульной национальности автономий с взаимного согласия сторон может быть осуществлено с применением уголовного и семейного законодательства национальных областей. В этом случае приоритет получает законодательство национальной области».

Итак, несмотря на унитарный характер будущей России, во всех нынешних республиках РФ, где титульный народ представляет собой устойчивое большинство (естественное, понятное и справедливое обязательное условие), предполагается сохранение автономии. Таких автономий ПК сегодня предполагает девять: Дагестанская, Чеченская, Ингушская, Кабардино-Балкарская, Калмыцкая, Осетинская, Татарская, Тувинская, Чувашская. К ведению автономии («национальной области») относятся (ст. 81 ПК): «...а) установление, наряду с государственным, иного официального языка автономии; б) поддержка и содействие развитию этнической культуры титульной национальности; в) система национального образования автономии; г) автономное уголовное и семейное законодательство, применяемое... судами к местным жителям – представителям титульной национальности при их добровольном согласии; д) бюджет автономии; е) установление автономных налогов и сборов; ж) собственность автономии; з) управление социальной инфраструктурой автономии, социальная политика автономии; и) природные парки, экология автономной области». Органами государственной власти в автономиях являются (ст. 79 ПК): Автономный Совет, выборный Глава автономии и Наместник, что вполне обеспечивает самостоятельность автономий в пределах очерченной выше компетенции. При этом, как уже говорилось выше, назначенный Президентом Наместник следит, чтобы в автономии не нарушались права и свободы национальных меньшинств и русских людей.

Таким образом, восстановление суверенитета русского народа на территории всей России (где он повсеместно является, между прочим, не только коренным, но и титульным) не ущемляет прав других народов. Вместе с тем, ПК не позволяет титульным народам в тех нынешних субъектах федерации, где они устойчивым большинством не являются, навязывать свою волю людям другой национальности. В регионах

же, где титульные народы представлены в большинстве, ПК гарантирует соблюдение общегражданских прав всем иным народам. Этим обеспечивается баланс интересов для всех.

Нельзя исключить вариант, при котором коренные титульные народы, составляющие в ряде автономий устойчивое большинство, выразят желание идти в будущее своим путем, отдельно от России, и примут соответствующее решение на референдуме. Задача новой Конституции в том, чтобы, предоставляя им данное право, не ущемить при этом прав и интересов иных народов, народностей и племен, проживающих на данной территории, в том числе русских. Для этого устанавливается пятилетний переходный период для уточнения взаимных задолженностей, взаиморасчетов, делимитации и демаркации границ (что может быть весьма существенно в ряде случаев), обоюдной (!) репатриации населения и определения порядка дальнейших взаимоотношений.

ПК исходит из абсолютного примата принципа единства и целостности русской нации над принципом единства и неделимости российской территории. Ибо нация первична, а государство вторично. Угроза этнической целостности и статусу национально-большинства для русских должна поэтому учитываться в первую очередь, а угроза территориальной целостности России – лишь во вторую. Именно такой подход и такая логика позволяют, с одной стороны, ставить вопрос о воссоединении русской нации и о праве русских, компактно проживающих на территориях сопредельных государств, на самоопределение. А с другой стороны, исключает насильственное удержание в составе России территорий, коренное титульное население в которых составляет устойчивое большинство.

* * *

Изложенные выше приоритеты и задачи, вдохновлявшие авторов ПК, обусловили предлагаемую модель административно-территориального устройства России.

Авторы исходили из того, что федерализация России, исторически ей несвойственная, – есть величайшее преступление власти тоталитарного интернационализма, установившейся в 1917 г.

Федеративное устройство страны есть необходимое условие и безусловное благо, когда речь идет об объединении многих земель в единое государство. Как это, к примеру, было в США или Германии. Но Россию не нужно было объединять, она и так в течение многих веков была едина.

В том же случае, если федерализация есть результат дробления единой страны, – она безусловное, несомненное зло, и закреплять это зло посредством Конституции (а именно так поступает ДК) – это безумие и государственное преступление. При этом попирается неоспоримое право русских на самоопределение на всей территории компактного проживания (а такой территорией является почти вся Россия), нарушается национальное единство русской нации и создается угроза её дальнейшего разделения (пример чему мы уже видели при распаде СССР), наконец, грубо нарушается историческая традиция русского народа, создавшего единую могучую державу в соответствии со своими внутренними интенциями и потребностями.

Мы не можем мириться с подобным извращением и пресечением нашего исторического пути.

Есть и другие соображения, требующие отмены федерального и введения унитарного государственного устройства. Скажем о них.

В общей сложности число лиц титульных национальностей, постоянно проживавших, по данным последней советской переписи 1989, в соответствующих республиках – субъектах федерации (без учета Чечни) – равно 8,89 млн человек, что составляет примерно 6% в составе населения России (148,8 млн человек). Иными словами, 6% населения получили в составе России свою государственность, свои республики, свои конституции, своих президентов и т.д., в то время как остальные 94% населения были лишены всего этого. Не абсурдно ли, не противоземельно ли такое положение?! Не есть ли это грубейшее, демонстративное нарушение прав абсолютного большинства? Не требует ли такое положение дел немедленного исправления?

Далее, эти же 6%, располагающиеся в 20 (!) республиках, получили, соответственно, 40 (!) представителей в Совете Федерации (напомню, что ПК создан в 1998), в то время, как на 94% остального населения пришлось всего 138 «сенаторов», то есть в четыре с половиной раза меньше, чем предполагает справедливая пропорция! Допустимо ли такое в демократической республике?! Не есть ли это грубое попрание гражданского равноправия?

Нельзя упустить из внимания и такое обстоятельство. Согласно ст. 9 п. 1 ДК, «земля и другие природные ресурсы используются и охраняются как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории». Такая постановка вопроса, с точки зрения русского человека, совершенно неприемлема. Ибо тем самым игнорируется суверенность русского народа, единого на всей территории России, а следовательно, нарушаются его права на природные ресурсы страны его проживания, то есть России в целом. Но при этом нарушаются и аналогичные права других коренных народов, не обязательно компактно проживающих на территории своей исторической родины. Так, 36% башкир на тот момент жило вне Башкирии, 49% марийцев – вне Марий-Эл, 70% мордвы – вне Мордовии: почему же их надо лишать их доли от башкирских, марийских, мордовских недр?

Не подлежит сомнению: недра, природные ресурсы – это общее достояние страны, источник общегосударственного бюджета. Они не должны быть ни в частной, ни в областной или республиканской, ни в «иной» (как то предписывает ДК) собственности, но только в государственной. Иначе экономическое неравенство регионов создаст географические зоны бедности и богатства, породит перераспределение масс населения, обезлюдение и захирение одних регионов и перенаселённость других, вообще нарушит принцип справедливости, а главное – лишит бюджет возможности формировать полноценные фонды развития обороны страны, культуры, науки, здравоохранения, образования, социальных гарантий и т.д.

Встают и другие вопросы, непосредственно затрагивающие судьбу русского народа. Например, как поддержать исторические русские земли от западных границ до Урала? Они совсем не богаты ископаемыми, зато богаты людьми, традициями, историей. Это, собственно, и есть историческая родина русских. Кто и на каких условиях будет снабжать её природными ресурсами, если они перейдут целиком в ведение автохтонов? А ведь это и есть та самая «Россия», могущество которой должно было «прирастать Сибирью», а не наоборот. Эти земли до сих пор плотнее всего заселены (в то время, как от Урала до Тихого океана проживает всего 30 млн человек – лишь одна пятая населения России!), наиболее индустриально развиты, поставляют основную часть высококвалифицированного контингента. Передача недр в собственность субъектов федерации даёт экономические преимущества этносам, проживающим на территории этих субъектов, но ничего не даёт основной массе русского народа, что не согласуется с нашим главным принципом.

Нет татарских русских, нет якутских русских, нет ханты-мансийских русских: есть просто русские. Создание Российской державы – это итог их общей истории. Это деяние всего русского народа и плоды этого деяния должны принадлежать всему русскому народу.

Какое-либо ограничение прав любого русского человека на недра любого уголка России никак не согласуется с теми историческими задачами, которые ставили себе и осуществляли русские в процессе колонизации Сибири, Поволжья, Дальнего Востока и т.д. Разве для того только покоряли и обустроивали мы эти земли, чтобы поднять к цивилизации из исторического небытия местные народы?

Итак, все перечисленные выше противоречия, начиная с отсутствия русской государственности и суверенности и кончая изъятием у большей части русских прав на природные ресурсы страны их проживания, требуют преодоления. Способ такого преодоления есть только один: преобразование России в унитарное государство (что и

декларирует ст. 1 ПК), в сочетании с госмонополией на эфир, недра и другие природные ресурсы (ст. 13 ПК).

Принцип унитарности вполне сочетается с правом народов на самоопределение, свободу национальной жизни и культурную автономию. Глава 3 ПК подробно излагает принципы такого сочетания, наиболее важные из которых уже рассматривались выше.

Раздел, посвящённый местному самоуправлению, полностью сохранён в редакции ДК, поскольку, с точки зрения авторов ПК, составлен хорошо и не нуждается в пересмотре.

* * *

В целом глава 2 ПК «Права и свободы человека и гражданина» немногим отличается от соответствующей главы ДК, которая написана достаточно подробно и современно. Некоторые отличия, ограничивающие права неграждан по сравнению с гражданами России, перечислены выше.

Вместе с тем, авторы ПК решительно не согласны с положением, при котором революционно-романтический тезис «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» (ст. 2 ДК), заявленный либерал-реформаторами как некий правовой императив, не уравновешен подобным тезисом о ценности прав общества, народа, нации в целом. Получается, что исключительно только «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (там же). Но разве общество, народ, нация – менее высокая ценность? Разве они не нуждаются в государственной защите, разве защита их – менее достойная задача? Разве можно вот так, безоглядно превознести личность, с её подчас опасным, разрушительным потенциалом эгоизма, – над обществом? Разве право общества не складывается из совокупных прав составляющих его личностей и не должно уже в силу этого обладать хотя бы равной приоритетностью с правом отдельной личности?

Нет, нужен по крайней мере правовой паритет, защищающий не только личность от общества, но также и общество от личности!

Авторы ПК полагают, что защитить большинство, общество как таковое – это значит в масштабах всей Земли, без всяких скидок, защитить самое человечество. В масштабах же России это значит – защитить не только всё гражданское сообщество страны, не только население вообще, но и русский народ в частности.

В этой связи:

а) из ПК исключена упомянутая статья 2 ДК как философски и политически ложная, демагогически-популистская и вредная для общества;

б) ввиду всеобщего движения цивилизованного мира к отмене смертной казни в условиях сохраняющихся задач защиты и санации общества, вводится такая конституционная норма, как лишение гражданства и принудительная высылка из страны по решению Верховного Суда (ст. 62 ПК).

На этом наиболее существенные различия главы 2 ПК и главы 2 ДК заканчиваются.

* * *

Сегодняшняя система разделения и компетенции властей, предусмотренная ДК, успела показать себя во всем блеске. Ничем не ограниченная, бесконтрольная и безнаказанная (по закону!) власть нашего Президента, – весомейшая причина всех бед России и хаоса российской жизни.

Сторонники президентской республики считают, что она хорошо подходит России, поскольку страна привыкла-де к царизму и вождизму. Но царизм и вождизм – это не просто единоличная неограниченная власть некоего лица. За царём – помазанником Бога – стоит непререкаемый авторитет религии. За вождём – организующая общество сила партии, любовь и доверие масс. За российским президентом нет ни того, ни другого.

Мало того: светский характер современного государства Россия исключает восстановление монархии. Ведь даже в начале XX века божественного авторитета уже не хватало, чтобы сделать Россию управляемой, подчинённой монарху. Кризис эффек-

тивного управления страной развивался стремительно; он закономерно привел к падению дома Романовых и к замене отжившей самодержавной системы – самой эффективной системой управления, какую только знало человечество: партократией.

К сожалению, ряд исторических обстоятельств (в том числе именно неизжитые рудименты монархизма) послужил излишней концентрации власти в руках коммунистических вождей, что привело к краху всю страну, когда на самой верхушке политической пирамиды оказался Горбачёв: неумный, недалёковидный, тщеславный, склонный к предательству, податливый на манипуляции извне, но притом облечённый колоссальной неограниченной властью.

Так или иначе, факт налицо: замена монарха на вождя оказалась в первой половине XX века суперэффективной мерой для управления Россией.

Замена вождя на президента во второй половине того же века ярко демонстрирует полную и сугубую неэффективность. Это карикатура даже не на монархию, какой она была в России в XVIII-XIX вв., а на институт выборных императоров эпохи упадка Рима. Во всяком случае, аналогии между Ельциным и Нероном, спалившим отечество, или Калигулой, введшим коня в сенат, просматриваются отчётливо.

Секрет этого прост: никакой президент, ни монарх, не опирающийся на партию (напомню, что президенты таких стран, как США, Германия, Франция и др. – ставленники своих партий), не в состоянии управлять такой огромной страной. Он ничего не может по двум, по крайней мере, причинам.

Во-первых, он ничего не может субъективно, ибо неизбежно попадает в зависимость от окружения, от экспертов, поскольку оценить внутреннюю убедительность специальных аргументов по многим аспектам экономики и политики президент не в состоянии по определению. Не связанный выверенной, согласованной и утверждённой партийной программой, он обречен под видом якобы обоснованных действий творить произвол. Придворная камарилья как феномен, непременно сопутствующий автократу, сложилась у нас на глазах. Провальный эффект от этого – налицо во всех сферах, требующих этнополитических подходов, да и в экономике тоже.

Во-вторых, он ничего не может объективно, ибо президентский произвол обязательно оборачивается своей диалектической противоположностью: утратой возможности управлять. Президент не имеет реальных рычагов власти в регионах, кроме шкурного интереса и административного страха губернаторов. Ни один мало-мальски уважающий себя руководитель региона не станет исполнять его распоряжения, если посчитает их абсурдными или невыгодными для себя. По сведениям покойного претендента на российский престол г-на Лебедева, уже к осени 1996 г. накопилось аж 447 указов президента Ельцина, которые никто не выполнял и не собирался выполнять. Больше того, кризис управления только усугубляется с ходом времени; лейтмотив едва ли не всех правительственных заседаний один: распоряжения Путина (в бытность премьером или президентом – все равно) не выполняются!

Аналогичным образом, к сожалению, обстоит дело и в субъектах федерации, где имеются свои законные правители, но реально правят олигархи либо бандиты, что создаёт опасность не только произвола на уровне регионов, но и произвола на уровне всероссийском, чреватого полной неуправляемостью единого государства и катастрофическим ростом сепаратизма.

Нет, не поменяв принципиально конституционные основы нынешней системы властного устройства в России, нечего и думать о возвращении страны к сколько-нибудь разумно организованной жизни. И первое, что следует сделать, – это покончить на всех уровнях с подменой, благодаря которой исполнительная власть разных уровней превратилась во власть «распорядительную». Необходимо вернуть страну к подлинной демократии, исключаяющей как произвол, так и неуправляемость.

Если глядеть в корень, то решение этой задачи предполагает следующее.

Во-первых, отмену всенародных выборов Президента, ибо именно в них – главный источник его самодержавности и неподконтрольности. ПК предлагает избирать его на заседании Государственной Думы из числа кандидатов, выдвинутых фракциями и депутатскими группами.

Во-вторых, ответственность исполнительной власти. Согласно ПК, Президент возглавляет Правительство и руководит, в качестве Председателя, его деятельностью. Он же и формирует Правительство, представляя при этом на утверждение Думы министров: обороны, внутренних дел, государственной безопасности и иностранных дел. Также на утверждение Думы Президентом представляются внешнеполитическая и военная доктрины. Президент несёт ответственность перед Думой за деятельность Правительства. Президент не может распустить Думу, но Дума, в случае недолжного исполнения им своих обязанностей, может отрешить Президента от должности квалифицированным большинством в соответствии со специальной процедурой.

В-третьих, выборность губернаторов отменяется. Губернаторы назначаются Президентом из числа кандидатур, предложенных им Областной Думе и избранных Областной Думой, и могут быть смещены Президентом либо самостоятельно, либо в случае выражения Губернатору недоверия квалифицированным большинством Областной Думы. (Интересно, что Путин, ища пути оптимизации управления, и сам пришёл примерно к той модели, которую мы предложили ещё в 1997 году, осталось закрепить её в Конституции.) В автономии Президентом назначаются Наместники помимо выборов Глав автономий.

Таким образом, обеспечивается согласованность действий законодательной и исполнительной властей, снимается самая возможность пагубного противостояния между ними, а также восстанавливается управляемость регионов, ставится препоны сепаратизму и произволу.

Почему ПК отдаёт приоритет законодательной власти? Помимо всего, что уже было сказано, добавлю:

1) только Дума как представительный орган, формируемый политическими партиями, выражает волю значимого большинства населения. Считая партюкратию оптимальной формой управления Россией, мы полагали, что русский народ ради выживания своего и ради будущего своих детей сумеет создать партию, образующую квалифицированное думское большинство. Таким образом, реальная власть в России перейдет к русским, чьи права и интересы будет выражать единая партия, как бы она ни называлась;

2) как мы не раз убеждались, по сравнению с президентскими указами и законопроектами, законы, принимаемые Думой, имеют более солидное экспертное обеспечение. Разрабатывая и принимая законы, Дума тем самым намечает и наиболее выверенное стратегическое направление развития страны. Кто же, как не она, должен контролировать ход этого развития, контролируя ход исполнения законов?

3) в правовом государстве, которым стремится стать Россия, перекося в пользу исполнительной власти при распределении полномочий особенно опасен и недопустим, поскольку открывает путь к произволу, к появлению неконституционной ветви власти – распорядительной. Именно в неё имеет тенденцию трансформироваться власть исполнительная. Законодательная же власть по самой своей природе несовместима с произволом, поэтому и не может служить источником общественной опасности и нестабильности.

Что же собой представляет Государственная Дума согласно ПК? Поскольку двухпалатный парламент – это отличительный признак государств федеративных, необходимость в нём при унитарном устройстве новой России отпадает. Чтобы сохранить представительство региональных властей, представляющих за свои регионы перед высшими властными инстанциями России, вместо Совета Федерации создаётся Совет губернаторов, глав автономий и наместников при Президенте России (с совещательными полномочиями). Таким образом, Госдума становится однопалатным парламентом, состоящим из 450 человек, избирающихся по партийным спискам по пропорциональной системе. Именно и только так может быть обеспечена реальная власть значимого большинства населения страны – русского народа. Примером здесь служит израильский кнессет, также избирающийся лишь по партийным спискам, чем обеспечивается и поддерживается национальный характер этого государства.

Дума избирает и отрешает от должности Президента, назначает на должность судей Конституционного Суда, Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда России, назначает на должность и освобождает от должности Председателя Счётной палаты, его заместителя и состав аудиторов, министров внутренних дел, государственной безопасности, обороны и иностранных дел, Председателя Центрального банка России, Уполномоченного по правам человека, утверждает указы Президента о введении чрезвычайного и военного положений, утверждает внешнеполитическую и военную доктрину, утверждает изменения границ между административно-территориальными единицами России, назначает всенародный референдум, ратифицирует международные договоры в соответствии с законом, объявляет амнистию, принимает постановления и законы. Именно таким представляется наиболее полное и адекватное воплощение принципа народовластия.

Правительство России в лице Председателя (он же Президент России), согласно ПК, ответственно перед Думой, являясь в полном смысле слова исполнительной властью. (Интересно, что и этот пункт ПК осуществился в правление президента Медведева как вполне разумный.) Его функции, основательно прописанные в ДК, оставлены в ПК почти без изменений. Из новаций можно отметить ответственность перед Президентом всех министров, кроме так называемых «силовиков» и министра иностранных дел, ответственных перед Думой.

Глава, посвящённая судебной власти, в ПК практически аналогична соответствующей главе в ДК. Изменения, внесенные в неё, вытекают только из новаций предыдущих глав.

Таким образом, в отличие от сегодняшней реальности, будущее государственное устройство России, соблюдая принцип разделения властей, ставит его на службу единству России.

* * *

Принцип приоритета нации (государствообразующего народа) над государством определил и механизм преобразования Российской Федерации в Русское национальное государство. Он предусматривает пять последовательных действий.

Первое. Проект выносится на рассмотрение Общенационального Съезда Русского Народа (Русского Народного Собрания), регламент которого определяется специальным законом. Принятый Съездом (Собранием) безусловно или с поправками, Проект Конституции становится документом, окончательную судьбу которого определит референдум.

Второе. В соответствии с процедурой, определённой федеральным законодательством РФ, созывается Конституционное Собрание. В случае его отказа подтвердить неизменность Конституции РФ, Собрание выносит на референдум Проект Конституции.

Третье. Проект становится новой Конституцией России, если за него проголосует более половины избирателей, принявших участие в голосовании, при условии, что в нём приняло участие более половины избирателей – граждан РФ. В этом случае Российская Федерация как суверенное государство и субъект международного права ликвидируется, а вместо неё возникает новое суверенное государство Россия (Русское Государство), устроенное в соответствии с новой Конституцией.

Четвёртое. Во вновь образованных областях и национальных областях проходят выборы в Государственную Думу, которая избирает Президента и в течение трёх месяцев принимает ряд важнейших законов, в том числе закон о гражданстве, работа над которыми ведётся в настоящее время.

Пятое. Если в какой-либо из республик РФ во время референдума проект новой Конституции будет отклонён, в этой республике в течение трех месяцев проводится дополнительный референдум по вопросу о самоопределении её народа. Если большинство населения выскажется за автономию в составе России, то данная республика превращается в автономию (национальную область). В противном случае она имеет право на отделение в соответствии с законом.

Конституция «национал-демократа»

Через два года после публикации националистического варианта проекта новой Конституции, я получил по почте из Петербурга только что кустарно изданную там брошюру «Конституция России», автором которой, судя по титульному листу, был некто А. Гагарин из организации «Русское ополчение». Об авторе мне неизвестно ничего. Видимо, он прочитал наш проект и направил мне как главному редактору «Национальной газеты» свой вариант. Датой опубликования автор называет 17 марта 2000 года. Пояснительная статья к проекту отсутствует.

Данный вариант Основного закона носил, скорее, общедемократический характер, хотя и содержал некоторые экивоки в национальную (в т.ч. русскую сторону), несколько пародийного свойства. Поэтому я закавычил этого своеобразного «национал-демократа».

Об этом проекте можно судить уже по преамбуле: «Мы, великий Русский народ – Великороссы, Малороссы и Белороссы, в союзе с другими народами, соединенными общей судьбой на своей земле... сознавая свою передовую роль в борьбе с фашизмом в любом его проявлении (?!), сознавая себя часть мирового сообщества (?!), принимаем Конституцию России».

Понятно, что сувереном в таком варианте является, несмотря на красивые слова в адрес русского народа, вовсе не он, а некий «союз народов».

Статья 1 раскрывает и уточняет это представление с максимальным прекрасодушием и наивностью: «Россия – союз свободных нравственных граждан, соединившихся между собой, жертвующих частью своей свободы для охраны и утверждения общими силами Закона нравственности, который составляет необходимость нашего бытия». Куда при этом должны деваться не очень нравственные граждане – загадка.

Однако ограничения по гражданству вводятся-таки, причем именно такие, какие мог бы предложить начинающий националист: «Гражданством России обладают все этнические русские (Великороссы, Малороссы и Белороссы) и другие народности, исконно проживающие на территории России». Замечу, что в националистическом дискурсе выработалось понятие «коренные народы», которое близко по смыслу приведенной формуле. Но оно подразумевает не «исконное проживание» (этак сюда и евреи запишутся с армянами), а отсутствие своего суверенитета и государственности вне границ России. Однако само предложение наделять гражданством по факту национального происхождения – несомненно националистическое, прогрессивное, хотя и поданное в наивной трактовке.

То же можно сказать и о заключительных словах проекта (раздел 2, ст. 12, п. 2): «Все граждане данных республик (бывших советских. – А.С.), а также все граждане иностранных государств, приехавшие на территорию России после 1 января 1986 года и получившие гражданство России, с момента принятия Конституции России лишаются гражданства России. Все, получившие политическое убежище в России после 17 марта 1991 года должны получить подтверждение данного решения...». Здесь напрашивается аналогия с Эстонией и Латвией, но, конечно, вызывает вопросы дата, после которой аннулируется гражданство (почему с 1986, а не, скажем, с 1917 года?).

Наивность, утопизм отличают представленный проект и далее. Вот, например, п. 5 ст. 3: «Если русский народ убеждается, что правящая власть ставит своей задачей геноцид русского народа и (или) постоянное его обнищание, то не только правом, но и священной обязанностью народа является уничтожение этой власти и установление власти, достойно отражающей его потребности». Занятно, что эта обязанность возлагается почему-то только на русских, а не на союз народов. Видимо, здесь отразилось подспудное осознание исключительной роли русского народа в экзистенции России.

К националистическим признакам я отношу также такие положения проекта:

«1. В России основной религией является Православие...»

3. Запрещается пропаганда и культовые обряды иудаизма как основной религии фашистско-сионистского толка, разжигающей национальную и религиозную рознь, враждебной всему человечеству» (ст. 14); данный пункт проливает некоторый свет на загадку внезапного антифашистского пафоса преамбулы;

«В России аборт производится русскими женщинами только в случаях, предусмотренных законом» (ст. 37, п. 2) (интересно был взглянуть на тот важный закон);

Ст. 62 п. 2 предписывает, как и в проекте Пыхтина: «Государственный флаг – черно-желто-белый. Государственный герб – Двуглавый орел». Гимном при этом предлагается сделать великую песнь военной эпохи «Вставай, страна огромная...». Очевидно, здесь отразилось понимание автором современности в духе вечной борьбы с «фашистской силой темною», контуры которой обозначены, для начала, выше. в ст. 14, а полная расшифровка предложена во втором разделе, о чем ниже.

Коннотации с Российской империей возникают не только по поводу герба и флага, но и в ст. 63, где автор перечисляет «субъекты России»: в этом перечислении исчезают всякие упоминания о национально-территориальных образованиях, а все субъекты одинаково именуется губерниями. Формально вопрос об устройстве России – федеративном или унитарном – вообще обходится, но по умолчанию ясно, что для федерации здесь места нет. На мой взгляд, это краеугольный камень националистического этатизма.

До своего логического завершения данная идея доводится во втором разделе, где говорится (ст. 11): «Все территориальное устройство Русского государства должно быть приведено в соответствие со статьей 63 Конституции России. При этом упраздняются названия: республики, края, области, автономные округа и автономные области». Предполагается, что Адыгея войдет в состав Краснодарской губернии, Алтай и Алтайский край – в состав Барнаульской, Башкортостан и Бурятия -- Читинской, Дагестан – Махачкалинской, Ингушская и Чеченская республики – в состав Грозненской и Терской губерний, Кабардино-Балкарская – Ставропольской, Калмыкия – Волгоградской, Карачаево-Черкесия – Краснодарской, Карелия – Петрозаводской, Коми – Воркутинской, Марий Эл и Удмуртия – Вятской, Мордовия и Чувашия – Нижегородской, Татарстан -- Ульяновской, Тыва – Красноярской, Хакасия – Кемеровской, Саха (Якутия) преобразуется в Якутскую губернию, Северная Осетия – во Владикавказскую. Автономные округа и области также входят в состав соответствующих губерний.

Наконец, национализм автора откровенно выражается в п. 2 ст. 77: «Президентом России может быть избран гражданин России не моложе 35 лет, русский, родившийся на территории России, постоянно проживающий в России не менее 10 лет...». Учитывая, что автор видит будущую Россию как президентскую республику, этот пункт приобретает сугубое значение.

Беда данного проекта Основного закона в том, что худо понятый национализм сочетается в нем с худо понятым демократизмом. Автор предлагает, к примеру (ст. 3, п. 6): «Поскольку для безопасности России необходим хорошо организованный народ, право русского народа на хранение и ношение оружия в целях самообороны не может быть ограничено». У меня данное требование, свойственное, увы, многим лицам, относящим себя к национал-демократам, вызывает искреннее возмущение своей недалекостью и/или бесстыжестью лоббизма. Понятно, к чему его выполнение приведет в России, где статистически абсолютное большинство убийств совершается по пьяному делу. Вместо того, чтобы разоружить и подавить бандитов и преступников, нам предлагают весь народ, по сути, превратить в таковых: пусть-де сами защищаются!

Дурной демократизм достигает своей вершины во взятом из ДК положении, представляющем собой главное достижение ельцинско-гайдаровской эпохи. Оно даже сохраняет ту же нумерацию, ст. 2: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Понятно, что того, кто исповедует данный максималистский принцип демократии, настоящим националистом уже никогда не сделаешь. Поскольку воплощенный в нем триумф бунтующего индивидуализма в принципе несовместим с требованием приоритета прав и интересов нации.

Я позволю себе опустить изложение большей части первого раздела конституционного проекта А. Гагарина, поскольку он во многом списан с ДК и не отличается какой-то принципиальной оригинальностью. Эта неоригинальность с лихвой искупается, однако, во втором разделе, который я хотел бы частично процитировать:

«1. Исходя из того, что 8 декабря 1991 года был совершен государственный переворот, который, вопреки воле народа, высказанной на референдуме 17 марта 1991 года, привел к распаду Союза Советских Социалистических Республик, расчленению Государства Российского на отдельные территории, отданные на поругание иудеям и их холуям, Русский народ считает, что необходимо:

а) объявить действующий в настоящее время режим самозванным, оккупационным, преступным, проводящим политику геноцида Русского народа;

б) виновных в самовольном захвате власти, развале Союза Советских Социалистических Республик, геноциде Русского народа представить перед судом Русского народа и других братских народов, населяющих Россию.

2. ...любой гражданин вправе, в соответствии со статьей 3 Конституции России, добиваться любыми средствами свержения оккупационного режима и установления власти, достойно отражающей потребности Русского народа».

Как видим, веяние времени на исходе 1990-х неумолимо привело автора проекта к национализму, но – поверхностному, доморощенному, «непрофессиональному». В котором максимализм, утопизм и гипертрофированный демократизм идут рука об руку, свидетельствуя о своего рода болезни роста и о глубоком посттравматическом синдроме советского человека.

Увы, эти болезни и синдромы слишком часто встречаются и сегодня...

КОНСТИТУЦИЯ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ. ЧАСТЬ 3

«СТАРОЕ МОЛЧАНИЕ О ГЛАВНОМ». КОНСТИТУЦИИ СПЕЦПАТРИОТОВ

Речь пойдет о двух проектах:

- 1) Института национальной стратегии (ИНС), выпущенном в свет в 2005 году;
 - 2) самодеятельной группы С. Сулакшина.
- Разберем их по очереди.

1. Проект ИНС (Белковский – Ремизов)

Если не знать, что вышеупомянутый Институт национальной стратегии создан Станиславом Белковским и существует под его патронажем, название сей организации могло бы ввести в заблуждение. Но ненадолго, ибо внимательный анализ документов приводит к устойчивому выводу: основная характеристика «национальной» стратегии Института – ее безнациональность, вненациональность.

С особой яркостью данное свойство проявилось при подготовке самого национально-стратегического из всех возможных документов – проекта Основного закона (Конституции) России¹². Перед нами заявка патриотически настроенных политологов – весьма узколобых, да еще и убежденных конструктивистов¹³. Она выражает оба наиболее характерных противоречия в современном национал-патриотическом дискурсе. Во-первых, это противоречие между теми, кто считает, что государство первично, а нация вторична (авторы проекта, патриоты), и теми, кто все полагает наоборот (националисты). А во-вторых, между теми, кто понимает нацию как согражданство (авторы проекта, конструктивисты), и теми, кто видит в ней государствообразующий этнос, об-

¹² Конституция России. Проект Института национальной стратегии. / Новый строй. Дискуссия Агентства политических новостей. – М., Институт национальной стратегии, 2005.

¹³ Критический анализ конструктивистской позиции президента ИНС М.В. Ремизова см.: Александр Севастьянов. Идолы конструктивизма // Вопросы национализма, № 10-11, 2012.

ретший свой суверенитет (националисты). Таким образом, с самого начала нужно понимать, что проект ИНС полностью внеположен русскому национальному дискурсу (актуальному национализму) и, соответственно, ничего общего не может иметь с проектом Русского национального государства.

Больше того. Поскольку националистический русский дискурс в проекте вовсе не учтен, попросту пройден молчанием, можно сразу сказать, что проект не отвечает духу времени, вектору развития постсоветского пространства вообще и России в частности. Путь создания национальных государств, по которому уже прошли все бывшие республики СССР и на который, пока робко, вступила Россия, явно расходится с тем путеводителем, который предложили авторы.

Фикция на фикции едет и фикцией погоняет

Все вышеозначенное проявлено уже на самой первой странице проекта, в его краткой преамбуле («Мы, граждане России, сохраняя в веках созданное нашими предками и вемое Божьим промыслом российское государство, учреждаем его Основной закон») и первой статье («О суверенитете») первой главы («Основы государственного строя»).

Уже из преамбулы понятно, что субъектом суверенитета выступает некое согражданство («мы, граждане России»). В российском политическом контексте в роли такого согражданства выступает обычно не «русская», а «российская» нация. Ниже это еще раз подчеркнuto: «государственный суверенитет России... принадлежит российской нации» (1.1.3).

Но далее следует своеобразная расшифровка понятия, вступающая в противоречие с преамбулой: «Российская нация есть единство русского народа и других коренных народов России, открытое для всех людей верных России» (1.1.4). Откуда это взято авторами, неизвестно. Но понятно, что даже если такое единство имеет место быть (доказано, скорее, обратное¹⁴), оно по объему не совпадает с согражданством, имея разные критериальные основания.

В своей пояснительной записке «Проект "государство-цивилизация"» главный из авторов, Михаил Ремизов, разъясняет суть «многонародной нации», как они ее понимает: «Российская нация есть общность тех, кто причастен делу государственного и цивилизационного строительства России. Русский народ является органическим ядром этой общности, а коренные народы, лояльные России, – ее полноправными участниками... Логическим пределом этого процесса и является развитие вокруг русского этнического ядра, на базе созданной им имперской структуры, единой политической нации» (с. 63).

Слабость данного положения не только в том, что «масло не смешивается с водой» (народы, некомплиментарные по отношению к русскому, а их в России весьма много, не образуют с ним амальгамы). Но и в том, что сама подобная постановка вопроса требует от коренных народов сдачи экзамена на лояльность вовсе не России (это-то нетрудно), а именно и только русскому народу (что в ряде случаев вообще невозможно). Иначе никакой единой «многонародной нации» создать никогда не получится.

Авторы еще усугубляют слабость главного основания своего проекта, вводя специальную статью «Об источнике государственной власти», где пишут: «Единственным источником государственной власти в России являются граждане России как представители российской нации по всех ее поколениях, прошлых, настоящих и будущих» (1.6.1). Зачем они вдруг возвращаются к вопросу о суверене нашего государства? Затем, что сами ощущают: путаница у них в понятиях поразительная. Стремление

¹⁴ См. мою заметку «Лев Гумилев и Министерство обороны» в интернете. Впрочем, необходимо отметить позитив: в проекте закрепляется верное юридическое понятие о коренных народах: «Коренные народы России не имеют иной государственности, кроме государственности России» (1.1.5), в чем и состоит их отличие от национальных меньшинств.

конструктивистов непременно провозгласить тождество между нацией и согражданством ведет к экзистенциальному разрыву с историей и действительностью. Поскольку, если мы имеем право говорить о союзе русской нации с отдельными (!) коренными народами нынешней России (как и о вражде с другими, об их подчинении), то никакой «русской нации» в нашей стране никогда и в помине не было. Это свежее испеченный конструктор, не имеющий никаких шансов на выживание в политологическом словаре.

Таким образом, слабость умственного (логического) обоснования проекта выступает наружу с первых же строк.

Эта слабость – в сочетании со стремлением сказать новое слово в утверждении российской специфики – не раз еще проявится авторами проекта. Особенно заметно – в самом первом пункте первой статьи первой главы:

«Россия (Российская Федерация) есть государство, основанное на исторической преемственности по отношению к Союзу ССР, Российской Империи, Московскому царству, древней Руси как этапам развития российской цивилизации».

Здесь впервые возникает это сакраментальное словосочетание: «русская цивилизация», за которым, однако, ровно ничего не стоит. Оно никак не расшифровано, не раскрыто, не разъяснено в тексте. Просто какое-то «принеси то, не знаю что». А была ли она, эта «русская цивилизация»? Аутентична ли она на перечисленных стадиях нашей государственности (очевидно, что нет, хотя бы потому, что ни о какой федерации до СССР не было и речи и т.д.)?

Таким образом, уже на первой странице проекта ИНС, который заслуживает названия утопического, постулирован сразу каскад фикций:

- 1) «русская цивилизация»;
- 2) «русская нация»;
- 3) «единство русского народа и других коренных народов России, открытое для всех людей верных России, действительное во всех поколениях, прошлых, настоящих и будущих и до конца времен» (к примеру, выходит, единство русских и татар времен Золотой Орды).

Многовато для документа, претендующего на юридический характер. Сразу видно, что писали не юристы-цивилисты, а всего лишь философы, да и то неблестящие.

Сомнительные новации

На эту же мысль наводят и в дальнейшем многие пассажи, например: «При угрозе утраты независимости России... граждане России обязаны восстановить полноту государственного суверенитета России любой ценой» (1.1.6). Мило. Патриотично. Идеалистично. Столь же красиво, сколь и неосуществимо.

Наши конституционные утописты продолжают радовать читателя новациями. Они вводят понятие «исторического пространства России», предназначенного для последующего воссоединения с Россией (1.4.2).

Что это такое? Земли, населенные русскими и другими коренными народами России, оказавшимися в разделенном положении благодаря несправедливым границам? Так хотелось бы думать мне как соавтору законопроекта о праве русского, лезгинского и осетинского народа на воссоединение.

Да, примерно так, но только очень сложно, путано и непоследовательно: это «области традиционного расселения коренных народов России (здесь бы следовало добавить слово «компактного» и поставить точку! – А.С.), входившие в состав государственных образований, по отношению к которым Россия осуществляет историческую преемственность». Имеются в виду, очевидно, республики СССР. Но проблема в том, что они как входили, так и ныне входят в государственные образования за пределами собственно России.

Главная заковыка в том, что русские дисперсно расселены практически во всех бывших республиках Советского Союза, в том числе и вдали от наших непосредственных границ. Забыв об этом, авторы проекта пишут: «Сохранение территории России и

освоение исторического пространства России – долг граждан России...» (1.4.5). Получается, мы не только не смеем мечтать об отделении, скажем, Чечни или Тувы, но и обязаны заботиться об «освоении» (читай: присоединении) Киргизии, Таджикистана, Молдавии?! По правде говоря, я за собой такого долга не знаю, не чувствую.

Напомню, как подобная проблема разрешалась в том проекте конституции, к созданию которого я имел в 1998 году отношение:

«1. Россия стремится к воссоединению Русской Нации, оказавшейся в разделённом положении. 2. Россия стремится к свободному объединению со своими историческими территориями, населёнными преимущественно русскими людьми и представителями коренных народов России. 3. Русское государство стремится к добровольному государственному союзу народов общерусского корня: русских, украинцев и белорусов». По контексту, речь в первых двух пунктах шла лишь о граничащих с Россией территориях, компактно населённых русскими людьми.

В этом варианте все логично и понятно. В варианте ИНС – наоборот.

Чрезвычайно странное впечатление оставляет ст. 10 «О гарантиях государственного суверенитета». Оказывается, с президента эта обязанность по умолчанию снята. А на кого возложена? Я сначала не поверил своим глазам:

«Гарантом государственного суверенитета, независимости, территориально целостности России и ее конституционного порядка являются единые Вооруженные силы России и все граждане России» (1.10.1).

Меня охватило недоумение. Как так? На простых граждан возлагается огромная ответственность, которая им явно не по плечу? Но что делать этим гражданам, если кто-то кое-где у нас порой нарушит конституционный порядок? Создавать народное ополчение? В тулумбасы бить? В колокола звонить?

Или что, у нас Вооруженные силы становятся новым официальным субъектом политики? Что ж, такие прецеденты есть, скажем в Китае или Турции, где армия является своего рода государством в государстве и имеет голос и вес в делах государственного управления. Но в России последним самостоятельным выступлением армейских было Восстание декабристов. После чего армия выполняла только подчиненные функции и защищала Россию, повинаясь приказам свыше, а не по собственной инициативе. Смена данной парадигмы должна была бы опираться на новый, непременно прописанный в Конституции, статус армии как одной из ветвей власти. Но этого нет.

Я так и не понял, как будет осуществляться на практике эта статья.

Что еще из новаций привлекает внимание?

Первое. Ст. 12 вводит такое понятие как «национальное достояние», которое «является неотъемлемым и неотчуждаемым, так как принадлежит российской нации во всех ее поколениях – прошлых, настоящих и будущих» (1.12.1). Объем этого понятия таков: «Земля, воздух, недра и другие природные ресурсы; памятники культуры (я бы добавил «и истории». – А.С.); технические и промышленные объекты, имеющие стратегическое значение для жизнедеятельности и обороноспособности страны» (1.12.2). Объекты н.д. «не могут находиться в собственности иностранных государств и их граждан», а «в отношении воды, воздуха, полезных ископаемых и других жизненно важных ресурсов... государство осуществляет исключительное право собственности в интересах всей нации» (1.12.3-4).

Идея, на мой взгляд, очень хорошая, имеющая аналогию в конституции Украины и некоторых иных, т.е. юридически состоятельная. Она не должна быть забыта, отброшена. Ее хорошо дополняет п. 7 ст. 14: «Предприятия, являющиеся естественными монополиями, перечень которых поределается федеральным законом, не могут находиться в частной собственности». Согласен.

Второе. Ст. 13 («О социальных обязанностях государства») устанавливает: «Государство способствует укреплению семьи, осуществляя экономическую поддержку материнства, отцовства и детства». Здесь я вижу важное положительное новшество в поддержке отцовства (правда, из ст. 35 «Материнство, детство, семья» это понятие выбыло почему-то). Вместе с тем, я бы не стал ограничиваться лишь материальными

факторами, ведь укрепление семьи в гораздо большей степени зависит от моральных факторов (система ценностей, лестница приоритетов, сакральные смыслы семьи и т.д.), на поддержке и развитии которых необходимо сосредоточиться в т.ч. и государству, и – особенно – церкви.

Третье. А вот смелая новация, которой суждено, вне всякого сомнения, быть оспоренной с разных сторон: с. 15 «О религиозных основах российского государства». С тех пор как в цивилизованном мире церковь отделили от государства, само понятие религиозных основ государственности оказалось вне философского дискурса, а уж идея ввести его в конституцию и вовсе стала крамольной. Но авторы проекта, преследуя вполне конкретную политическую цель, о которой я скажу ниже, не из воздуха почерпнули такую смелость. Они, несомненно, уловили вполне конкретные политические настроения – я бы даже сказал: настройки – которые Кремль уже давно продвигает в российское общество. Уловили – и решили забежать чуток «вперед прогресса», провозгласив:

«Православие является государствообразующей исторической религией России. Религиозное и социальное служение Русской Православной Церкви пользуется поддержкой государства» (1.15.1).

Неудачная грамматическая конструкция (кто чему служит?) не меняет сути: государство берет РПЦ на частичное обеспечение. Это, конечно, вызовет бурное негодование остальных конфессий. Предвосхищая, авторы бросают им кость: «Государство покровительствует традиционным вероисповеданиям (список? – А.С.) всех коренных народов России и проживающих в России этнических общин (т.е. нацменьшинств, в т.ч. самых экзотических. – А.С.) и солидарно с ними в осуществлении целей и ценностей, лежащих в основании российской государственности» (1.15.2).

Однако список таких целей и ценностей не приложен. Понятно, что авторы предлагают нам уравнение со столь многими неизвестными, что получаются сапоги всмятку, а не юридический документ. Ничего, кроме раздражения всех неправославных (в т.ч. русских атеистов и родноверов), они таким манером не добьются. Одно слово – философы...

Интересен смелый комментарий эксперта ИНС Владимира Карпеца: «Следует отказаться от определения России как светского (то есть религиозно нейтрального) государства. Вместо этого должно быть введено понятие государствообразующей – но не государственной, в смысле принудительном – и исторической религии – Православного христианства (включая Старообрядчество), и повторено определение трех других религий – ислама, буддизма и иудаизма – как традиционных (наряду с православием) конфессий народов России... Верховный правитель и министры обороны, иностранных дел, внутренних дел, а также глава разведки и безопасности должны исповедовать Православие» (с. 110).

Что ж, такая тенденция в обществе есть. Станет ли она мейнстримом?

Четвертое. Конституция России признается высшим нормативом в стране, в том числе, что важно, в отношении любых международно-правовых актов, за соответствием которых нашему основному закону следит специальная Конституционная палата Верховного суда. Я лично вижу в этом правильное направление мысли, которое сегодня достигло апогея в деятельности Национально-освободительного движения (НОД депутата Е. Федорова), считающего, что наш суверенитет ограничен конституционной нормой, отдающей приоритет международному праву. С этим приоритетом, безусловно, пора покончить, и тут проект ИНС предвосхитил идею.

Пятое. Новацией, вызванной желанием угодить Кремлю, приходится также считать исчезновение пункта о недопустимости цензуры из статьи «Свобода мысли и слова» (ст. 27).

Такие же «минусовые новации» – выпадение из перечня прав гражданина «права на жизнь» и на «защиту чести и достоинства». Особенно важно первое. Между тем, один из экспертов ИНС правильно отмечает: «Право на жизнь также должно рассматриваться во всей своей полноте, то есть от зачатия до смерти и, тем самым, став правообязанностью, влечь за собой все соответствующие последствия, включая запрещение

ние аборт с одной стороны, защиту государством материнства и детства – с другой»¹⁵. Блестяще! Но в проекте Конституции эта важная мысль не нашла отражения.

Занятно появление такого норматива: «Каждый гражданин России обязан трудиться» (2.34.2), возвращающего нас к советской практике судебного преследования «за тунеядство». Впрочем тут же прописана еще одна повергающая в недоумение норма: «Граждане России имеют право на защиту от безработицы» (2.34.4). Кто и как сможет ее реализовать, если только мы не возвращаемся в социализм, на что авторы нас не настраивали?

Наконец, наиболее знаковым является выпадение краеугольного камня нынешней морально-правовой системы России: ст. 2 действующей Конституции, провозглашающей приоритет прав личности. В одной из пояснительных статей эксперт ИНС прозорливо отмечает: «Человек и, тем более, его права не могут быть высшими ценностями просто потому, что таковыми не являются»¹⁶. Он совершенно справедливо поясняет: «Наряду с правами отдельного человека (и иерархически выше их) должны быть поставлены права народов, профессиональных и конфессиональных групп, профсоюзов, культурных сообществ и проч. Не говоря уже о правах государства в целом. Социальные корпорации должны быть признаны субъектами права, а внутрикорпоративные нормы внутригосударственных объединений – неприкосновенными» (с. 111).

Все это так, но при этом о наиважнейших правах, правах нации, т.е. государствообразующего народа, эксперт, увы, «забыл». С этим согласиться невозможно! Ибо если и можно положить нечто на другую чашу весов, где уже лежат права личности, то это, конечно же, в первую очередь, права нации, а не государства и тем более не общественных групп типа корпораций или цехов, как в средние века.

Шестое. Своеобразное решение авторы проекта предложили для проблемы территориальной организации страны. С одной стороны, закрепляется старая неправда: федеративное устройство России (ст. 5 «О государственном устройстве России», гл. 3 «Федеративное устройство России»; соответственно сохраняется Совет Федерации). Привычным уже стало маньеристическое стремление авторов сочетать несочетаемое: «федеративное устройство России основано на ее государственной целостности». Милое дело! Да ведь федеративное переустройство, которому подверглась некогда единая, унитарная Россия, – это есть дробление, уничтожение, подрыв ее государственной целостности (обернувшееся в итоге распадом СССР). И ничто иное! Сохранить федеративное устройство России – значит сохранить перспективу ее распада.

С другой стороны, на деле проектом устанавливается довольно жесткая система централизованного управления страной, предусматривающая федерацию земель, равноправных по статусу, но полубесправных по факту. Так что федеративное устройство предстает скорее как некий камуфляж, к чему мы привыкли за годы советской власти. Впрочем, памятуя о том, чем закончилось свое существование многонациональное федеративное государство СССР, надо признать, что даже подобная «игра в федерализм» опасна, ибо несет в себе коды сепаратизма – смертельную для государственного организма инфекцию.

Седьмое. Самое интересное новшество – это предусмотренный проектом Высший совет национального единства (ВСНЕ), наделенный правом выдвижения кандидатуры президента и правом его отрешения от должности на основании выдвинутого госсоветом обвинения в измене или ином тяжком преступлении. Также ВСНЕ «осуществляет блюстительные функции во имя обеспечения преемственности государственной власти и развития общественно-политической жизни России» (4.72.1). Сколько должно быть членов ВСНЕ – неизвестно (тут авторы зевнули), зато известно, что треть его должна формироваться Всеармейским офицерским собранием, другая треть – РПЦ и другими традиционными конфессиями, а третья – академическим сообществом (РАН и университетами).

¹⁵ Владимир Карпец. «Возвращение к основам», с. 112

¹⁶ Там же, с. 111.

Офицеры, ученые, духовные лица: вот три корпорации, которым реально вверяется судьба России. И это глубоко правильно, на мой взгляд, ибо соответствует естественному делению на ранги любого биологического сообщества, во-первых, и существованию двух высших каст любого социума, во-вторых. Условно говоря, брахманы и кшатрии должны блюсти страну; таков закон, данный свыше: Богом и Природой. Или, в конечном счете, просто Богом, ибо и Природа – от Него.

Восьмое. Блюсти – еще не значит править. Россия в проекте ИНС – не просто президентская, а суперпрезидентская республика. Президенту отводится 7 лет на правление, причем количество сроков ничем не ограничено, кроме возрастного порога. Внимательное чтение проекта приводит к мысли, что президент одновременно руководит как политикой (внешней и внутренней), так и экономикой, а равно вооруженными силами, судебским корпусом, силами правопорядка и дипломатией.

На роли суперпрезидента хочется остановиться подробнее. Комментируя предлагаемый проект, один из экспертов ИНС пишет:

«Требуется прямо закрепить положение главы государства как носителя Верховной власти, являющегося Арбитром, стоящим над законодательной, исполнительной и судебной деятельностью (а не властью). При этом, скорее всего, переименовав “Президента” в “Верховного правителя”... В дальнейшем следовало бы также осуществить переход от принципа выборности Верховной власти – если власть выборна, она не Верховна, а “верховен” избирательный корпус (а на самом деле те, кто им манипулирует), – к принципу преемственности. Уходя (или умирая), Верховный правитель официально назначает своего преемника, который затем утверждается на всенародном референдуме»¹⁷.

Сам Ремизов именуется изобретенный его группой статус правителя «некоронованным монархом». И не обинуясь пишет: «Наш проект... предполагает укрепление верховной власти. Но именно для того, чтобы отвести верховной власти ту роль, которую она занимает в русской политической культуре, – роль центра общества и даже, в определенном смысле, центра земного мира, гаранта правового и нравственного порядка – необходимо поднять ее над рутинной управленческой конъюнктурой общественных дебатов» (с. 64).

Поднять (еще поднять!)? Куда? Разве что прямо на небо...

Чтобы достойно откомментировать такое, надо обладать пером Салтыкова-Щедрина. Поэтому я замечу лишь одно. Некоронованных монархов разных типов и складов история знает немало. Выборный император, как в Древнем Риме, – это ведь тоже своего рода президент. Как и Сталин или Мао – выборный вождь правящей партии. Как и Обама или Кэмерон – партийный выдвиженец. Вся разница зависит лишь от уровня легитимности и объема полномочий. Сегодня в России сложились все условия для авторитарного режима, близкого к абсолютизму, о чем я уже не раз писал. Почему бы не задуматься в таком случае о том, какого типа авторитаратор нам нужен?

Лично меня, конечно, больше всего бы устроил вариант Сталина при условии, что это был бы вождь не какой-либо, а именно русской националистической правящей партии, как бы она ни называлась. Но авторы проекта не желают никаких ограничений для своего идола, даже в виде партийной программы или Политбюро. Ремизов специально подчеркивает: «Президент принципиально внепартиен и внеположен конкуренции социально-экономических программ». Что в этом хорошего, мне, честно говоря, непонятно. Нужен ли нам верховный правитель в статусе некоронованного монарха, который не связан никакими обязательствами перед народом и страной, бесконтрольный и безответственный? Вспоминая убийственные для Рима последствия утверждения режима императорской власти, я думаю, что Ремизов со товарищи берут на свою совесть чрезмерный груз.

Троянский конь СБ в АП

¹⁷ Владимир Карпец. Там же.

Внимательно изучив проект Конституции ИНС («ремизовского» или «белковского» института, кому как нравится), я сравнил его с недавно обнародованной путинской доктриной национальной политики, прозвучавшей как из предвыборной статьи кандидата в президенты, так и из «Стратегии государственной национальной политики» и других документов последнего времени. И понял, что Институт национальной стратегии сеял отнюдь не на камнях. Стало понятно, откуда у Путина, всегда отмалчивавшегося по поводу национальных отношений (и правильно, поскольку в Высшей школе КГБ этнополитике не учили, а демонстрировать на публике дилетантизм – неловко), появились вдруг программные установки и тезисы типа следующих:

- 1) «российская нация»;
- 2) Россия – многонациональная страна;
- 3) Православие – государствообразующая религия;
- 4) Россия – государство-цивилизация;
- 5) суперпрезидентская республика и т.д.

Что надо сказать по поводу этих главных установок?

Положим, первые два тезиса внушалось Путину и раньше старыми советниками, унаследованными от Ельцина (Эмиль Паин, Валерий Тишков, Вячеслав Михайлов и др.), но три последних пункта явно появилось под влиянием Михаила Ремизова со товарищи, за плечами которых, как за кулисами, виднеется профиль Станислава Белковского.

Комплекс идей, связанных с неприемлемыми как для науки, так и для русской политики «российской нацией» и «многонациональной страной», критиковался столь часто и подробно, что возвращаться к этому нет надобности. Остановлюсь на новациях.

Ключом к успеху если не самого проекта, то его авторов является, конечно, тезис о суперпрезидентской республике. И сопутствующий ему и сопряженный с ним тезис о православии как государствообразующей религии. Это блестящее сочетание – просто-напросто входной билет в Кремль. Не больше, не меньше.

Верный мудрому принципу раскладывать яйца по разным корзинам, опытный политтехнолог Белковский решил одно яичко подбросить в Администрацию президента. Сочинив заведомо востребованный Кремлем проект нового государственного устройства России, он тем самым продвинул в высшие слои нашей политической атмосферы своего троянского коня, битком набитого собственными рекрутами, из которых наиболее успешен Михаил Ремизов. Ловкий ход, ничего не скажешь!

То, не знаю что

Что же остается подлинно новаторского?

«Государство-цивилизация» – термин и тезис напыщенный, претенциозный, но идейно пустой. Ниже я попробую, опираясь на текст Ремизова и других, дезавуировать его более подробно.

Между тем, этот внешне эффектный тезис во всеуслышание уже повторил президент Путин, а глядя на него – и патриарх Кирилл. Им понравилось, польстило такое «возвышенное» определение зоны их полномочий. Михаил Ремизов пошел наверх, его стали привлекать к работе над государственными документами высокой важности.

В виду сказанного, интересно, все же, попытаться понять, что же подразумевали авторы конституционного проекта? Первое слово принадлежит автору концепции – Михаилу Ремизову. В своей пояснительной записке «Проект "государство-цивилизация"» он излагает дело так (в скобках мои комментарии):

«Органичной для России политико-культурной моделью является модель "государства-цивилизации"... Она означает, что:

– Россия складывалась не как "гражданская нация", а как исторический проект определенного союза народов, ядром которого являются русские. Этот союз и является реальной основной политической нации России.

(Гражданской нации в России – типа «нации россиян» – никогда не было и нет, это совершенно верно. Но ведь и никакого «союза народов» с русским ядром никогда

никто не заключал, никакие документы подобный союз не подтверждают. Под концептом союза народов исторической правды нет, а есть ложь и демагогия. Простой русский народ, размножаясь и усиливаясь, шел на все четыре стороны света, подчиняя себе все новые земли, кем-то, как правило, населенные, но никого специально себе в союзники не зазывая. Российские цари, преследуя, по большей части династические интересы, военными усилиями закрепляли успехи русских колонизаторов или завоевывали иные территории. При этом населяющие их народы порой попадали в российские подданные совершенно автоматически, их никто не спрашивал. А других приходилось приводить к покорности силой. И только немногие просились сами, в страхе перед более агрессивными соседями; но просились не ради «великой России». Некий «договор народов», «союз народов» существует только в воображении ремизовых¹⁸);

– Россия участвует в международной системе, но т.н. «мировое сообщество» не является источником ее легитимности, поскольку она рассматривает собственное «большое пространство» как исторически самоценный мир. Россия реализует на пространстве Северной Евразии аналог американской доктрины Монро, предполагающей создание локальной международной системы, резистентной к внешнему вмешательству.

(С этим можно было бы согласиться, если бы не одно «но». Доктрина Монро, как известно, выражается формулой «Америка для американцев». Что соответствует роли американской нации как подлинного суверена страны – роли, сложившейся в ходе Войны за независимость США. Под американцами, американской нацией, при этом понимается именно и только согражданство, независимо от этничности: такова традиция ряда стран, в первую очередь Франции и США.

Что же касается России, то для нее, во-первых, неорганично и не оправдано исторически такое понимание нации. Для нашей традиции нация – это государствообразующий народ, то есть этнические русские. И «российская доктрина Монро», соответственно, должна бы звучать как «Россия – для русских!», чего мы, однако никогда не слышали на официальном уровне, кроме как из уст Александра Третьего. А во-вторых, ни русские, ни россияне до недавних пор и думать не могли о роли суверена собственной страны, да и сегодня с данной ролью пока не освоились.

Но признаем: Россия действительно существует в мире, никого не спрашивая о законности такого своего существования, и спрашивать впредь не намерена, надеюсь. Тут Ремизов прав.);

– Россия не является государством, берущим исток во французской революции и не признает верховенства ее принципов. Она является локальной цивилизацией с собственной религиозной идентичностью и собственными культурно-географическими константами.

(Этот третий и опорный пункт ремизовского концепта слабее всех. Он призван как раз пояснить, как и почему Россия является особой цивилизацией, но не может этого сделать ввиду отсутствия ясных критериев. Ибо если ориентироваться только на религиозную идентичность и какие-то невразумительные «культурно-географические константы», то запросто откроется банальная вещь: что ни страна, то цивилизация – островная Англия со своим англиканством, Германия со своим лютеранством, Франция, стоящая на идеалах эпохи Просвещения, консервативная католическая Италия и т.д. Такое открытие попросту аннулирует сам смысл определения «государство-цивилизация» ввиду его универсальности и отсутствия антагониста.)

В сущности, чтобы обосновать свой концепт, Ремизов должен был бы проделать всего два действия:

1) перечислить наличествующие в мире мегацивилизации (иначе придется брать политический микроскоп и признавать цивилизацией каждую локальную культу-

¹⁸ Настоятельно рекомендую читателям, желающим избежать иллюзий в данном вопросе, книгу: Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации. – М., МГУ, 1996.

ру). Таковых, на мой взгляд, сегодня наблюдается три: европейская, китайская и мусульманская¹⁹;

2) пояснить, почему Россия не относится ни к одной из них, а является периферийной цивилизацией, собственно российской, наряду с индийской, японской или еврейской и др.

Выполнима ли такая задача, я здесь не сужу. Но ясно, что с этим заданием Ремизов не справился, да, похоже, и не осознал его вовсе.

Критикуя Ремизова, я должен признаться, что сам тоже считаю Россию особой цивилизацией, умеренно самобытной; так сказать, Европой не по-европейски, глубоко также и азиатской по духу, хотя и не познавшей себя до конца и так до сих пор и не самоидентифицировавшейся. Но речь сейчас не обо мне и моих культурологических штудиях, а о том, что Ремизов не сумел обосновать свой концепт. А сумел только пролить дозу елеса на сердца наших пастырей, светского и духовного.

Бог ему судья за это, а не мы. Ведь перед нами лишь типичное для всей спекулятивной философии заблуждение: ставка на идеократию («смыслократию» в терминах нового поколения идеократов). Ремизов честно признается, что видит российское «государство-цивилизацию» не как данность, а пока что еще лишь как проект, главная задача которого «состоит именно в том, чтобы дать российской цивилизации ту систему эталонов, через которые она могла бы себя опознавать и воспроизводить» (с. 61). В этом завете со всей выпуклостью видна разница между спекулятивной философией, полагающей возможным раздавать эталоны с амвона, – и наукой, стремящейся эти эталоны открыть в жизни. Что поделывать: у философа нет другого товара, кроме идей. Вот он и пытается ими торговать, понятно.

В завершение – забавная проговорка, которой порадовал нас эксперт ИНС Юрий Коринец, который в статье «Между “старым государством” и “новой империей”»: поддерживает предложенное Ремизовым название «государство-цивилизация» в противовес классическому «государство-нация». Оказывается, ремизовский термин понадобился, поскольку-де «слово “рейх” не свободно от позорного пятна», а «слово “империя” вызывает ненужную напряженность» (с. 118). Таким образом, истинное содержание этой новации оказывается вовсе не ново: это Империя (привет Проханову!). И оно лишь прикрывается «прилично» звучащей формулой.

Не уверен, что Ремизов (а тем более президент Путин и патриарх Кирилл) благословил бы подобное простое разъяснение-разоблачение... Но беда не в этом, а в том, что Коринец явно путает исторические указатели «вперед» и «назад». Уже в самом названии его статьи ход истории произвольно запущен автором строго в противоположном реальному. Ведь мы движемся, несомненно, через явно уже провалившуюся попытку создания новой империи – к старому, то есть национальному русскому, государству. И чем скорее это движение станет осознанным, тем безболезненнее и успешнее оно пройдет.

И вот здесь, наконец, пришло время дать итоговую оценку конституционному проекту, вышедшему из стен ИНС имени Белковского.

Дело в том, что авторы данного проекта Конституции старательно обошли в своем проекте русский вопрос вообще, переведя разговор в плоскость «российской нации». На мой взгляд – это большая политическая и даже научная ошибка, непростительный анахронизм.

Идеологическая песнь, озвученная ИНС, оказалась исполнена в жанре «старое молчание о главном». А это значит, что будущего данный проект, повернутый в невозвратное прошлое, не имеет.

2. Проект группы С.С. Сулакшина

Не успел я проанализировать накопившиеся у меня проекты новой российской конституции, как печатный стан выдал в жизнь еще один таковой. На нем стоит копи-

¹⁹ Подробнее см.: Александр Севастьянов. Битва цивилизаций: секрет победы. – М., Книжный мир, 2013.

райт лично С.С. Сулакшина²⁰, а в выходных данных перечислено 24 фамилии трудившихся над ним. Есть ли среди авторов юристы и сколько их – неизвестно, как неизвестно и вообще, кто эти люди и в чем их вклад в проект.

Данный проект, по моим сведениям, намерено поднять на щит Национально-освободительное движение депутата Евгения Федорова, имеющее цель преобразования в партию. Сильный ход: не всякая партия может предъявить публике готовый проект будущего государства, за воплощение которого она борется. А ведь это лучше всяких партийных программ!

Итак, в чем же особенности этого проекта?

2.1. Основная особенность – полная юридическая беспомощность, дилетантизм и идеализм в самом худшем и отъявленном виде. Все это проявляется уже на первых страницах.

Преамбула предъявляет нам в качестве суверена – некую химеру, аналог «многонационального народа России», украшающего нашу действующую конституцию. И соперничающую с ним в нелепости: «Мы, русский народ и все братские (!) российские народы, соединившиеся в трудах, преодолениях и великих победах в ходе своей общей многовековой истории в единый Народ России...».

Перед нами очередная забавная попытка соединить несоединимое: показной пietet перед реальной нацией России – государствообразующим русским народом, с одной стороны, и стремление подsunуть властям любимую игрушку – «российскую нацию», с другой стороны²¹. Упомянув в первых словах русский народ, в дальнейшем авторы норовят каким-то хитрым манером извернуться, чтобы вообразить невообразимое: «единый Народ России» (он же, как все понимают, «российская нация»). Как им хочется придумать то, чего нет, не будет и быть не может! Неужели злосчастный опыт «советского народа», развалившегося, как карточный домик, ничему не научил?! Неужели не заставил понять, что население, даже связанное согражданством, – это еще не народ, не нация?!

Такой подход уязвим во многих отношениях.

Во-первых, неправильно ставить на одну доску и наделять в равной мере суверенитетом единственный государствообразующий народ (русских) и народы, таковыми не являющиеся. Напомню, что проект русских националистов 1998 года нашел другую формулировку: «Мы, русский народ и все граждане России», которая гораздо точнее выражает истинное положение вещей, предоставляя суверенитет каждому гражданину страны персонально, но при этом выделяя в качестве суверена лишь один народ, тот самый, которому данный суверенитет и принадлежит по праву, исторически и фактически.

Во-вторых, преамбула авансом награждает все народы России титулом «братских», что не может вызвать ничего кроме мрачных воспоминаний о миреже «братских народов СССР» и горькой ухмылки по поводу современной России. «Пусть отрежут лгуну его гнусный язык!» – как писал в подобном случае Булгаков. Даже самый поверхностный взгляд мгновенно обнаруживает такие народы, назвать которые братскими может лишь лгун либо полный дилетант в этнополитике: ингуши и осетины, осетины и грузины, балкарцы и кабардинцы, черкесы и карачаевцы, якуты и эвены, эвены и эвенки, башкиры и татары, армяне и азербайджанцы, чеченцы и русские, наконец, и т.д.

В-третьих, авторы не сочли нужным ввести словечко «коренные» в свою формулу, сделав тем самым все национальные меньшинства (мигрантов и беженцев в том

²⁰ Конституция России (проект). Под общ. Ред С.С. Сулакшина. – М., Научный эксперт, 2013. Как гласит Википедия, Степан Степанович Сулакшин (р. 1954, Томск) российский политический деятель, генеральный директор Центра научной политической мысли и идеологии (Центра Сулакшина); доктор физико-математических, доктор политических наук, профессор

²¹ Сравним с точно такой же, по сути, формулировкой предшествующего проекта, рассмотренного выше: «Российская нация есть единство русского народа и других коренных народов России, открытое для всех людей верных России». Поистине, стремление «угадать и угодить» начальнику – неистребимо у нас!

числе) такими же участниками суверенитета России, как и ее коренные народы. Вот уж одолжили!

В четвертых, не успев продекларировать некий единый «Народ России», они тут же и подорвали этот фантом заверением «...уважая каждый народ, живущий в России». Авторы впали в то же принципиальное противоречие, что и советская власть, которая, с одной стороны, насаждала концепт единого «советского народа», а с другой делала все для воссоздания национальных элит, национальных культур и национального самосознания всех народов. Что закономерно кончилось конфузным крушением «советского народа» и распадом СССР на национальные государства.

Кстати, парой страниц ниже понятие «Народ России» расшифровывается как «сообщество граждан России»: опять нам всучивают французско-американскую модель «нация как согражданство», чего и следовало ожидать.

«Советский народ», «российская нация», «единый Народ России» – сколько надо еще идиотских экспериментов, чтобы перестать, наконец, делать из нашей страны плавильный котел по рецепту США?! Ну, не годится этот рецепт для нашей страны! Другие мы!

2.2. Дилетантизм и идеализм продолжают с первого же раздела «Ценностные основы конституционного устройства России». В нем есть ст. 2 «Основные конституционные понятия», где мы встречаем 26 объяснений различным понятиям, которыми оперирует проект. В том числе: высшие ценности России, государственная идеология, долг, жизнеспособность, Народ России, обязанность, ответственность человека, подрыв высших ценностей России, русская (российская) цивилизационная идентичность, цели России, человеческий потенциал. Экзотично, не правда ли? Впечатление такое, что собрались старшеклассники-мечтатели, этакие «русские мальчики» Достоевского – и ну выдумывать, как бы лучше осчастливить человечество...

Это впечатление усиливается, когда мы бросаем взор на некоторые конкретные определения, следующие ниже (комментарий в скобках):

– «Русская (российская) цивилизационная идентичность – обеспечивающая максимальную жизнеспособность России самобытность обустройства ее территории и всех сфер жизни населения, устройства государственной власти и управления, выработанная на основе ее исторического опыта».

(Приравнивание русской идентичности к российской не имеет под собой оснований и легко разрушается даже на одном примере религиозной принадлежности: вряд ли кто согласится, что православие есть примета, отличительная черта всех россиян. И так будет в каждом случае, когда мы столкнемся с подменой этничности – согражданством. Далеко не все константы этноса являются таковыми для согражданства и наоборот. Кроме того, заявив о «самобытности» нашего обустройства, неплохо бы определить, в чем она состоит, иначе заявление остается голословным.);

– «Цели России – желаемые качества и состояния предметов деятельности государственных органов, общества и человека, вытекающие из высших ценностей России».

(Ох уж, эти идеократы-смыслократы! Лишь бы новое какое прокрустово ложе сочинить для «органов, общества и человека»! Какой безнадежной схоластикой веет от подобных умопостроений!)

С одной стороны, вроде бы и неплохо, что впервые после крушения СССР предполагается обретение Россией некоей идеологии, неких высших ценностей. С другой стороны, мне лично ясно, что основной закон России не может ни то, ни другое устанавливать директивным путем. Что до высших ценностей – это компетенция церквей, что до идеологии – это компетенция партий. А уж какой из них главенствовать в России, это должны решать избиратели путем голосования. Попытка же всех загнать в единомыслие с помощью полицейской дубинки (любой закон всегда может сыграть ее роль), во-первых, неосуществима в принципе, во-вторых – по большому счету бесчеловечна, противоправна, противоречит основным международно признанным принци-

пам и договоренностям в области прав человека и гражданина и вызовет возмущение наиболее мыслящей и совестливой части общества.

Сказанное легко подтвердить на примере того перечня высших ценностей, который заложен в проекте Сулакшина. Законом утвержденный «перечень высших ценностей» – нонсенс уже сам по себе, а между тем ст. 6 проекта так прямо и называется «Высшие ценности России».

Первое, что бросается в глаза: среди этих ценностей мы не найдем русского народа, его там нету и следа. Вместе с тем «Абсолютной высшей ценностью является существование самой России – Родины Народа России» (2.6.3). Грамотному человеку сразу становится ясно: перед нами – типичное кредо патриота, так и не продвинувшегося к национализму. Для него государство – все, а нация, государствообразующий народ, – дело десятое (в данном конкретном случае – вообще ничто). И дальше следует типичнейший набор патриотических банальностей, набивших оскомину еще в прошлом веке:

«Высшими ценностями России являются:

а) единство, неделимость, территориальная целостность и государственный суверенитет России (потерявши голову, готовы плакать по волосам: утратив жизненно необходимые нам территории, будем до последнего цепляться за те, с которыми живем, как в обнимку с осиным ульем. – А.С.);

б) ответственность России за судьбы мира и человечества (еще чего не хватало! Снова будем предлагать миру православие и коммунизм, лезть в учителя человечества? Да уж после пережитых афронтов нам бы посидеть скромненько в своем уголке земшара, да наладить какое-нибудь передовое хозяйство, показать, на что способны. А то ведь, кроме срама, из этой затеи не выйдет ничего. Как обрыдло это традиционное отвратительное самомнение! Нашлись «благодетели рода людского»! – А.С.);

в) всеобщее благо, общественное благо, благо всех законных социальных групп и благо каждого человека в их гармоничном сочетании;

г) забота всех и каждого о сохранении и умножении достоинства Народа России...»

И так далее, вплоть аж до литеры «ч», включая «русскую (российскую) цивилизационную идентичность» (выше уже говорилось, что возможно лишь что-то одно на выбор), «сочетание традиционности и прогресса», «социальную справедливость», «альтруизм и сопереживание», «идейно-духовную мировоззренческую мотивированность человека и общества, устремленность к идеалу» и прочее в том же духе.

Сил нет продолжать, душат смех и слезы... Где, в каком инкубаторе выросли эти замечательные прекраснодушные люди, исполненные благих помышлений? Явно не на нашей грешной Земле. Кто, какой сатана внушил этим полусвятым исусикам мысль, что они могут заниматься законотворчеством? Все, что им по силам – это написать устав какой-нибудь тихой обители, где собралась бы сотня-другая таких же далеких от мира и прекрасных душ...

Но наши прекрасные души норвят еще и зубы показать! Они полны серьеза! «Государство, – пишут они, – в соответствии с законодательством России пресекает фальсификацию истории России» (как будто есть в природе стопроцентно нефальсифицированный вариант). При этом немедленно впадают в очередное противоречие. «Никакая идеология не может насаждаться насильственно», – утверждают они (2.8.3), но тут же грозят: «Запрещается деятельность граждан России и их объединений, юридических лиц, временно или постоянно проживающих и временно пребывающих на территории России иностранных граждан и лиц без гражданства, иностранных юридических лиц, действующих на территории России, направленная на подрыв высших ценностей России» (2.9.1). Воображаю себе, какая вакханалия доносительства поднимется у нас немедленно после принятия такого основного закона, при наличии 23 официальных высших ценностей! Пресловутый «тридцать седьмой» покажется детсадовскими играми.

Лишнее доказательство того, что прекраснодушных утопистов на пушечный выстрел нельзя подпускать к политике...

Еще одним прелестным образцом юридического недомыслия служит статья 14 «Русская (российская) цивилизационная идентичность», которая содержит аж целых три пункта, ни в одном из которых, однако, не формулируется, в чем, собственно, эта идентичность состоит. А поскольку в вышеприведенном глоссарии это понятие раскрыто предельно неуклюже и неясно, то статья эта явно «мертвая».

Так же обстоит дело и со ст. 16 «Самодостаточность России», где нет ни слова о том, что же это, собственно, такое. И т.д. на каждом шагу.

Шокирующее впечатление произвела на меня как на опытного правозащитника глава 5 «Права и обязанности человека и гражданина в России». В которой содержатся такие статьи (вдумайтесь в названия): ст. 20 «Права и свободы человека»; ст. 21 «Долг и обязанность человека»; ст. 22 «Права и свободы гражданина»; ст. 23 «Долг и обязанности гражданина»... и еще отдельно ст. 27 «Свобода человека». Само собой разумеется, в законотворческом раже составители и не подумали обратиться к всемирно признанным международным нормативам²², предпочтя заново выдумывать велосипед, наступать на грабли и ломиться в открытые двери. Смело вторгаясь в область морали, смысла жизни и целеполагания, вступая по этим поводам в конкуренцию со всеми действующими в России конфессиями, они создали весьма экзотический документ, к которому я и отсылаю любознательного читателя, чтобы не загромождать статью яркими несбыточными подробностями. Отмечу только, что тщательное распределение прав, свобод, долгов и обязанностей между человеком и гражданином тут же оказывается лишенным всякого смысла согласно п. 1 ст. 24: «Все равны перед законом и обладают на территории России всеми правами и свободами, исполняют равные обязанности и несут равную ответственность». Ну есть ли еще на свете такие мастера толочь воду в ступе?!

Из важных несообразностей со здравым смыслом надо отметить приобретение гражданства «...либо по другим основаниям» (каким?!).

Но пуще всего меня потрясла статья 119 со странным названием «Территориальная справедливость», которая провозглашает: «Государство обеспечивает каждому (?!) человеку вне зависимости от места его проживания равные права по удовлетворению своих потребностей и равные возможности для осуществления своих прав и свобод».

Нелепое название статьи никак не объясняет, почему у граждан и неграждан, коренных и пришлых должны быть равные права и возможности. Похоже, здесь мы сталкиваемся с чисто либералистической отрывочной идеей об абсолютном приоритете прав человека – абстрактных прав абстрактного человека. То есть как раз с тем, с чем борется национально-патриотическое движение в России. В то время как в национальном государстве о равенстве прав граждан и неграждан не может быть и речи, и никто, конечно же, не предложит равные возможности коренным жителям – и мигрантам.

Вместе с тем в проекте есть и тавтологические статьи, в частности ст. 50 «Гарантии прав коренных малочисленных народов», в которой «государство гарантирует защиту прав коренных малочисленных народов и лиц, относящихся к таким народам». После того, как полное равноправие всех и каждого было уже манифестировано, подобное предоставление особых гарантий одной из групп населения является грубым нарушением равноправия, это слишком понятно...

2.3. Итак, ясно: группа лиц не от мира сего вознамерилась дать нам, русским и нерусским гражданам России, единый основной закон, ровно ничего при этом не понимая в цивилистике. В этой связи особый интерес, конечно же, у меня вызвал целый раздел проекта под названием «Народ России».

Тщетно я искал в этом разделе хотя бы тень понимания проблем, прав и интересов государствообразующего русского народа. Они не нашли отражения в законопроекте (как и в ныне действующей конституции). Центральное внимание законодате-

²² Например: Всеобщая декларация прав человека; Международный пакт о гражданских и политических правах; Конвенция о защите прав человека и основных свобод.

лей было отдано таким статьям, как «Народовластие», «Референдум», «Палата высших ценностей России»... Она палата, цитирую: «а) по собственной инициативе и по запросам федеральных государственных органов дает заключение об оценке соответствия деятельности федеральных государственных органов высшим ценностям России; б) по жалобам граждан и по собственной инициативе проверяет на соответствие высшим ценностям России положения федеральных законов и обыкновений правоприменительной практики» (утопия в квадрате, чистый бедлам, как понимает читатель). И т.п.

Мало того: как уже говорилось выше, «Народ России един и формируется на основе русского народа и всех братских российских народов» (2.7.1). Читаешь эти прекрасные слова и не знаешь – плакать или и смеяться. Где живут взрослые люди, написавшие подобный бред? На Земле или на Луне? Но уж явно не в России, где любой объективный наблюдатель видит, что никаких шансов создать нечто единое на основе русских и, к примеру, дагестанцев, чеченцев и ингушей – нет и не предвидится, и что с каждым годом различия между этносами играют все возрастающую роль.

Но есть и глава 8 «Русский (российский) мир», содержащая ст. 51 («Представители русского (российского) мира») и ст. 52 «Политика России в отношении Русского (российского) мира за рубежом». Как уже говорилось, принципиальное неразличение «русского» и «российского», отождествление этих понятий – прямо указывает на дефективность подхода законодателей, их непонимание фундаментальных основ нашей жизни. Характерно, что стремясь представить «Народ России» как нечто единое, авторы умственно споткнулись, конечно же, о наличие разных вер, но попытались преодолеть этот водораздел, приписав «Народу России»... «единое отношение к свободе вероисповедания!» Увы, массовые поджоги мусульманами православных храмов в Татарстане, как и массовые протесты против строительства мечетей в русских областях, говорят совсем о другом.

В принципе главы о «русском мире» имеют правильную направленность на поддержание связей и защиту тех лиц, кто происхождением или самоидентификацией связаны с русской цивилизацией. Но и тут авторы не избежали наивного утопизма: «Представители Русского (российского) мира обязаны вести себя достойно (?) и уважительно относиться к Народу России, истории, культуре и традициям России, не создавать своими действиями угрозы безопасности России» (2.8.2) и т.п. Хотелось бы знать, удосужится ли «представитель Русского мира», имеющий, скажем, английское гражданство и работающий в голландской фирме, хотя бы заглянуть в текст конституции, любовно отшлифованной сулакшинской группой фантазеров, романтиков и идеалистов? Ну, а нам, русским в России и читать ее незачем: она ничего хорошего нам не сулит, никаких наших проблем не решает.

Жанр «старое молчание о главном», как и в случае с проектом ИНС, одержал зримый триумф. А это значит, что будущего не имеет и данный проект.

2.4. Игнорируя русских с их проблемами, не считая нужным привлечь их на свою сторону, группа Сулакшина пытается компенсировать это обещанием социальной справедливости для всех. Глава 11 так и называется: «Социальная справедливость». Как ни странно, однако в глоссарии – перечне основных понятий данного документа – такое понятие отсутствует. Никак не разъяснено оно и в указанной главе: что такое социальная справедливость, нам авторы не говорят. Очевидно, сами не знают.

Между тем, социальная справедливость – понятие очень конкретное: сугубо классовое и национальное, оно не существует как единая для всех абстракция. Разные классы и сословия, разные этноконфессиональные группы понимают социальную справедливость очень по-разному, вплоть до антагонизма.

К примеру, рабоче-крестьянское понимание справедливости носит уравнилительный характер, по принципу «всем – поровну». Когда булгаковский Шариков провозглашает «А что тут думать? Взять все – и поделить!», смеяться здесь не над чем. Именно так видит суть дела простой народ, именно так интерпретирует свойственную ему идею о всечеловеческом равенстве.

Подтвержу это примером из истории. Есть потрясающий документ, рожденный Февральской Революцией 1917 г. – «Примерный наказ», составленный на основе 242 сельских и волостных наказов 1-му Всероссийскому съезду Советов крестьянских депутатов в мае этого года. Итоговое требование крестьян выглядело так: «Вся земля... отчуждается безвозмездно, обращается во всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней... Право пользования землею получают все граждане... Землепользование должно быть уравнительным, т. е. земля распределяется между трудящимися... по трудовой или потребительной норме...»²³. Вот вам шариковщина в чистом виде – и в статистически значимом классовом выражении.

Совсем по другому смотрят на вещи интеллигенты и предприниматели, вообще представители верхних классов, для которых мысль о всечеловеческом равенстве, несовместимая с их жизненным опытом, представляется ложной и в принципе неприемлемой. Для них понимание справедливости уместается в формулу «каждому – свое».

Эти две формулы не усреднить, не слить, не примирить. То что сочтут справедливостью одни, другие ощутят как ее попрание. И т.д. Компромисс невозможен.

Наши авторы, конечно, даже не задумывались на этот счет. Надеюсь примирить и объединить «Народ России», они лишь подбрасывают ему яблоко раздора.

2.5. Столь же прекраснотушно и беспомощно выглядит ст. 128 «Россия – нравственное государство». Не говоря уж о многом прочем, но непонятно, как этот императив будет сочетаться с капиталистическим способом производства, который авторы не отвергают, но который огромное большинство людей связывает с безнравственностью (Прюдон: всякая собственность – кража).

Между тем, авторы допускают предпринимательскую деятельность и частную собственность (ст. 105 пп. 2, 6, 7), в том числе на «природные ресурсы, не относящиеся к жизненно важным» (ст. 108) и даже на землю (ст. 109). Понятно, что такой, скажем, апостол морали, как Лев Толстой, уже на основании последнего заклеил бы сулакшинскую Россию именно как безнравственное государство. Да и марксисты бы все под этим подписались.

Любопытная коллизия возникает с природными ресурсами. К жизненно важным авторы отнесли «водные, воздушные и лесные ресурсы, недра и полезные ископаемые, за исключением общераспространенных» (с. 107). Они не уточнили, что нужно считать общераспространенным. Хотелось бы знать в этом связи, в какую категорию попадают металлы, уголь, газ, нефть... Авторы умолчали об этом, потому что сами не знают ответа, или потому, что не захотели прояснить?

Вообще глава 29 («Природные ресурсы России») содержит в себе вопиющее и непримиримое противоречие. С одной стороны ст. 120 провозглашает: «Земля, ее недра, воды, леса и иные природные ресурсы в пределах территории России являются достоянием Народа России и используются в общественно значимых целях». Бросается в глаза, что статья обходит молчанием вопрос о собственности на ресурсы. Что немаловажно, поскольку следующая статья начинается с пункта: «Государство осуществляет научно обоснованное, рациональное и рачительное использование земли и ее недр...». Позвольте, а кто будет пользоваться этими наработками? Государство у Сулакшина – на службе частных лиц? Видимо да, поскольку далее говорится: «Юридические лица обязаны рачительно и рационально использовать природные ресурсы. Государство поощряет развитие ресурсосберегающих и не загрязняющих окружающую среду технологий... Федеральным законом могут быть наложены обременения на частную собственность в виде требований по использованию наиболее экономичных и не загрязняющих окружающую среду технологий...» А на госсобственность не могут быть наложены такие требования? Или госсобственность вовсе не предусмотрена проектом?!

²³ Бердинских В.А. Крестьянская цивилизация в России. М., Аграф, 2001. С.143.

2.6. Но вся эта вопиющая несостоятельность, однако, блекнет перед ст. 123 («Мировая ответственность России за природные ресурсы»).

Неудачно уже само название статьи, возлагающее на Россию ответственность за свои – подчеркну, свои! – ресурсы перед всем миром. Казалось бы, наши ресурсы, что хотим с ними, то и делаем. И как хотим. Но появление данной статьи уже исключает такой подход. Мы, оказывается, ответственны за них перед всем миром... По правде говоря, у меня такое впечатление, что именно эту постановку вопроса нам пытаются навязать все постперестроечные годы наши западные «друзья», а мы с разной степени успехом от нее отбояриваемся. А тут вдруг сами пошли навстречу Западу...

Текст этой капитулянтской статьи еще усугубил мои сомнения. Он разбит на два пункта. Первый гласит: «Россия осознает мировое значение принадлежащих ей природных ресурсов...». Второй добавляет: «Россия ожидает от соседних и иных иностранных государств ответственного подхода к использованию общих (?!!!) природных ресурсов».

Ешьте меня, мухи с комарами! Видит Бог, это не хозяйский тон! Возникла мысль, не Мадлен ли Олбрайт писала эти строки? В переводе сказанное означает: можете грабить нас, господа, мы ведь сознаем, что все это как бы не совсем наше, а скорее общее, но только грабьте аккуратней, пожалуйста. Не пролейте, не расплещите... Тьфу! Читать было противно до омерзения. Такого раболепия, смиренного холуйства, «непротivления злу насилием» я никак не ожидал! А ведь этот подход «опущенного» закладывается в основной закон страны! Эту психологию «опущенного» будут преподавать в школах и вузах нашим детям! Кого мы вырастим из них? Народ-слугу при сильных мира сего?!

Понятно, что при желании (!) слова насчет «общих» ресурсов можно истолковать в том смысле, что это-де воздушные или водные массы, перемещающиеся по территории не только нашего, но и сопредельных государств. Но это не единственно возможное прочтение. А потом, кто доказал, что никакие «наши» месторождения полезных ископаемых не имеют – краешком – выхода за пределы наших границ? Вот уже и «общие» ресурсы, по аналогии с воздухом и водой...

Если правда, что проект группы Сулакшина как-то связан с Национально-освободительным движением депутата Евгения Федорова, чьим главным козырем является борьба за суверенитет России и против ее эксплуатации Западом, то такой проект ставит под сомнение искренность политика.

2.7. Нельзя сказать, конечно, что в преисполненном несуразностями, фикциями и фантомами проекте Сулакшина вообще все плохо и ложно.

Мне, например, импонирует идея наделения президента полномочиями председателя правительства.

Проект сохраняет федеративное устройство России (что плохо), но устраняет неравноправие субъектов (что хорошо), упраздняя републиканское устройство некоторых и превращая их в рядовые области («земли»), а нашу кособокую, асимметричную федерацию республик, краев и областей – в симметричную и равноправную федерацию земель. Возможно, федеративную пропасть нам придется преодолевать в два прыжка и такой ход послужит первым из них.

Есть, наверное, и другие крупницы здравого смысла и пользы – не может же быть, чтобы двадцать четыре человека занимались только тем, что пытались пережеголять друг друга по части завиральных новаций!

Но в целом нам предложена новая конституция, преисполненная прекрасных слов, а на поверку – полная нелепица.

О чем говорит ее появление вслед за теми, вполне серьезными, проектами, о которых я рассказал выше?

О том, что ситуация с пересмотром действующей конституции, под воздействием изменившихся исторических условий и их осмысления, вызрела до конца. Общественный запрос на новый основной закон ощутили уже самые широкие круги нашего общества, готовые поставить производство самостоятельных проектов на поток.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы рассмотрели развитие конституционного творчества на постсоветском пространстве и обнаружили любопытное обстоятельство. Повсеместно создание новых, по сравнению с советской, конституций отразило процесс становления национальных государств на месте всех бывших республик СССР. Повсеместно, кроме... России.

Наша большая страна остается пока что последней из бывших советских республик, где процесс преобразования в национальное государство (государство русских, разумеется) искусственно притормозился. Почему я утверждаю, что искусственно? Да потому что наше, российское право решительно и очень наглядно разошлось с российским же правосознанием, то есть с моральной оценкой действующих законов, основного в том числе.

Пример? Пожалуйста!

Если бы я сегодня публично заявил «Россия – для русских!», мое заявление могло бы повлечь за собой судебное преследование. Но вот в публике, среди окружающих, оно не вызвало бы особого возмущения. Более того, согласно опросам Левада-центра, меня поддержало бы квалифицированное большинство: две трети населения России (66%). Быть может, поддержало бы молча; быть может – без готовности немедленно вооружаться и идти на баррикады. Но – поддержало бы!

Казалось бы, чем мы рискуем, выдвигая такой лозунг? Надо смело провозглашать его и следовать тем путем, каким уже прошли все бывшие наши братские республики Советского Союза.

Однако мы, русские националисты, верные заветам русского великодушия, не провозглашаем, что Россия-де «только для русских». Нет, мы не хотим лишать равноправия лояльные («комплиментарные») к русским коренные народы. Мы лишь хотим вернуть себе нашу естественно-историческую форму самоуправления: Русское национальное государство, без которого мы чувствуем себя беззащитными неприкаянными сиротами. Государство, в котором будет главенствовать принцип «все для нации – ничего против нации», а нация будет пониматься как государствообразующий народ.

Поэтому мы уже сейчас можем заверить все коренные народы России, которые помогут нам, русским, в восстановлении нашего суверенитета и государственности, в том, что в Русском национальном государстве они будут пользоваться равными с нами правами. Ну, а те, что будут вставлять нам палки в колеса на нашем нелегком пути, тоже потом свое получат...

Но вернемся к главной теме.

На данном этапе общественный консенсус сложился лишь в одном пункте: ельцинскую Конституцию пора отправлять в утиль. Характерно, что это требование прозвучало также со стороны прокремлевского Национально-освободительного движения (НОД), чей конек – борьба за суверенитет России и против ее эксплуатации Западом. Дело в том, что как недавно официально признал Государственный департамент США, Конституцию РФ 1993 года, как и ряд ключевых законов нашей страны, писали американские советники. Их стараниями в основной закон нашего разгромленного государства были включены статьи 13 п.2 и 15 п.4 (отказ российского государства от собственной идеологии и признание приоритета международного права над внутригосударственным). НОД считает, что механизм гарантированного подчинения нашего тысячелетнего государства целям и задачам Запада был коварно запущен этими новациями. Таким образом, и с точки зрения борьбы за освобождение России от иностранной зависимости Конституция подлежит замене.

Но вот на что мы хотим ее поменять? Какое государство хотим получить на смену уходящему полуфабрикату? Тут консенсусом и не пахнет. Попытки спроектировать наше будущее, в виде конституционных проектов, начались, как мы выяснили, почти сразу после крушения СССР, и за последние 22 года их насчитывается не менее пяти. Они заметно разнятся между собой.

Как показал анализ этих конституционных инициатив, в нашем обществе назрело понимание того, что переходный период в развитии России исчерпал себя вместе с конституцией 1993 года. Это во-первых. А во-вторых – обнаружилось, что Россия встала на пороге простого и решительного выбора: следовать ли путем создания новой Российской Империи или же Русского национального государства.

Влиятельные силы общества стоят за тем и другим проектом. За Российскую Империю (в традиционном варианте: за счет русских, но не для русских) стоит сегодня лично Путин и многочисленные патриоты, в основном старшего поколения, люди сталинско-брежневского советского закала, интернационалисты и великодержавники с оттенком православного консерватизма. За РНГ, как уже было сказано, – две трети населения, все русские националисты как представители восходящего течения, а с ними – молодежь в своем абсолютном большинстве.

Между тем, в пользу РНГ, а не Империи все заметнее и весомее высказывается сама жизнь, которая со все возрастающей очевидностью демонстрирует невозвратимость прежней имперской парадигмы. К примеру: после всего, что мы уже третий месяц наблюдаем на Украине, найдется ли еще такой идиот, который заявит о необходимости и возможности воссоединения России со всей Украиной, а не только с ее Юго-Востоком, включая Крым, Левобережье и небольшую часть центра?! Хочется верить, что по крайней мере среди ответственных политиков таких идиотов нет. Рано или поздно отпадут иллюзии и насчет Казахстана, русский Север которого тяготеет к России, а остальная часть – к Тюркскому союзу. И в итоге станет понятно, что единственный вариант расширения границ России – это приведение их в соответствие с картой компактного расселения русского этноса, как это показано на нашей карте «Русская Россия». Карте, созданной русскими националистами для демонстрации оптимальных границ РНГ.

Итак, для меня наш конечный выбор кажется предрешенным самой историей. По своей идеологии, по границам и по форме правления России суждено пройти до конца закономерным путем всех советских республик – и стать Русским национальным государством.

Вопрос: может ли национальное государство существовать при этом как империя? На мой взгляд – да (Британская Империя и Третий Рейх тому примерами). Но это отдельная тема для разговора, которую сегодня я обойду.

Пока же отмечу, что анализ конституционных проектов обнаружил еще и другие важнейшие водоразделы в подходах к пониманию грядущего России как демократического (в плане прав и свобод) национального государства:

- 1) кому быть сувереном в этом государстве: русской нации (этнонации, разумеется) или российскому согражданству;
- 2) быть ли республике президентской (вариант: суперпрезидентской) или парламентской, вписывается ли в обе эти модели партукратия;
- 3) быть ли государству унитарным или федеративным.

Всем, кто хотел бы принять участие в обсуждении проекта нашего будущего государства, я предложил бы уже сегодня задуматься над этими вариантами выбора.

Попутно отмечу парадокс: даже либералы понимают неотвратимость Русского национального государства! Они пытаются навязать нам свой вариант, конечно же, выхолощенный и «обезвреженный». Но хоть какой-то! А патриоты продолжают держаться за империю и навязывают нам именно ее.

Но нам, националистам, не нужно ни то, ни другое.

Нам нужно Русское национальное государство, конституцию которого надо готовить прямо сейчас.

Как показал анализ, за основу следует взять конституционный проект Лиги защиты национального достояния от 1998 года, усовершенствовав его с учетом всего вышесказанного, дополнив удачными новациями из других проектов и проведя через горнило максимально широкой дискуссии.

И делать это надо, не откладывая.

Русский народ ждет.

